

ЗВЁЗДЫ СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

АЛЕКСАНДР
МИРЕР

ГЛАВНЫЙ ПОЛДЕНЬ

ДОМ СКИТАЛЬЦЕВ

Дом скитальцев

Александр Мирер

Главный полдень. Дом скитальцев

«Издательство АСТ»

1969, 1976

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Мирер А. И.

Главный полдень. Дом скитальцев / А. И. Мирер —
«Издательство АСТ», 1969, 1976 — (Дом скитальцев)

ISBN 978-5-17-145577-4

Александр Исаакович Мирер (1927–2001) – писатель-фантаст, переводчик, литературовед. В фантастике дебютировал повестью «Будет хороший день», за которой последовали «У меня девять жизней», «Обсидиановый нож», «Субмарина „Голубой кит“»... Но самым знаменитым произведением писателя стала дилогия «Главный полдень» – «Дом скитальцев», с поразительной тщательностью и убедительностью описывающая вторжение на Землю агрессивных инопланетян – «похитителей тел». На этой культовой книге, по праву вошедшей в золотой фонд отечественной фантастики, выросло не одно поколение читателей. Повести и рассказы А. Мирера и по сей день не утратили своего обаяния и попрежнему читаются на одном дыхании.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

ISBN 978-5-17-145577-4

© Мирер А. И., 1969, 1976
© Издательство АСТ, 1969, 1976

Содержание

Главный полдень	6
Часть первая, рассказанная Алешей Соколовым. Утро	6
Федя-гитарист	6
Такси	7
Еловый пенъ	8
Пустое место	11
Автобус	12
Тревога!	13
Мы начинаем действовать	15
Двойная обертка	17
Капитан Рубченко	18
Несчастье	20
Шнурок	21
Доктор Анна Егоровна	22
Что видел Степка	24
Снова капитан Рубченко	26
Я «инфекционный больной»	29
Черная «Волга»	32
Находка и пропажа	33
Зона корабля	35
Часть вторая. Полдень	37
Наводчики и «посредники»	37
Куда броситься?	42
Входи!	44
Вы думаете, что вас нельзя убить?	46
Степка получает инструкцию	49
Хитрый портняжка	51
Сентиментальный боксер	53
Опять один	57
Сурен Давидович	58
Пришельцы	60
Допрос	62
Полковник Ганин	64
Сорвалось	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Александр Мирер

Главный полдень. Дом скитальцев

© Александр Мирер, наследники, текст, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Главный полдень

Часть первая, рассказанная Алешей Соколовым. Утро

Федя-гитарист

В тот день с утра было очень жарко и солнечно. От жары я проснулся рано, позавтракал вместе с матерью и рано, задолго до восьми, пошел в школу. Помню, как на проспекте сильно, терпко пахло тополевыми чешуйками, и липы были дымные, светло-зеленые, и солнце горело в витринах универсама. Дверь магазина была заперта, но Федя-гитарист уже сидел на ступеньках со своей гитарой и жмурился. Я еще подумал, что на молокозаводе кончилась ночная смена и Федя прямо с работы явился на свидание с Неллой, продавщицей из обувной секции. Я прошел по другой стороне улицы, свернул за угол, к школе, и тогда уже удивился – не такой он человек, Федя, чтобы сидеть и ждать. Он лучше встретит девушку около дома и проводит с громом, с гитарой – э-эх, расступись!.. Он такой парень. Утро, вечер – ему все нипочем. Я думал о нем и улыбался, потому что мне такие люди нравятся. Потом я стал думать, удастся ли днем, после школы, накопать червей для рыбной ловли.

Я прошел по пустой лестнице, положил портфель и посмотрел в окошко.

Федя-гитарист по-прежнему сидел на ступеньках универсама и держал на вытянутых руках гитару. Понимаете? Он ее рассматривал и хмурился: что это, мол, за штука? Пожал плечами. Взял несколько аккордов и еще раз пожал плечами. Потом он стал притопывать ногой и с удивлением смотрел на свой ботинок, заглядывая сбоку, на петушинный манер, – гитара ему мешала.

Я опять заулыбался – наш знаменитый гитарист будто заново учился играть на гитаре. Выдумает же – забавляться так чудно и в такую рань!

Минуты через две-три у универсама появился заведующий почтой. Федя его окликнул. Мне через стекла не было слышно, что сказал Федя-гитарист, но заведующий почтой свернул и подошел к ступенькам.

И тогда произошло вот что. Заведующий сделал неверный шаг, двумя руками схватился за грудь, сразу выпрямился, опустил руки и зашагал дальше, не оглядываясь. Через полминуты стеклянная дверь почты открылась, заведующий скрылся за ней, а потом до меня долетел резкий стук закрывающейся двери. Федя сидел, словно ничего не произошло, и постукивал по гитаре костяшками пальцев. А я уж смотрел на него во все глаза: что он еще выкинет? На улице сталолюдно – шли служащие на работу, из подъездов выскакивали ребята и мчались к школьному подъезду. До звонка оставалось всего пять минут. Степка, торопясь, сдувал с моей тетради задачки по геометрии. Я смотрел, значит, целых полчаса, а Федя все сидел, опустив гитару к ноге, и равнодушно жмурился на прохожих. И вдруг он поднял голову... Тяжко подрагивая при каждом шаге, к почте торопился седой грузный телеграфист, важный, как генерал. Он всегда проходил мимо в это время, всегда спешил и перед угловой витриной универсама смотрел на часы и пытался прибавить шагу. Он весит килограммов сто, честное слово! Именно его Федя выбрал из всех прохожих и что-то ему говорил, просительно наклоняя голову. Тот обернулся – даже его спина, туго обтянутая форменной курткой, выражала недовольство.

Я приподнялся. Старый телеграфист будто налетел на невидимую веревку. Нырнул всем корпусом, просеменил и остановился, схватившись обеими руками за грудь. Я думал, он упадет. Гитарист равнодушно смотрел на свой притопывающий ботинок, не приподнялся даже, скотина такая! Старик же мог насмерть разбиться о ступеньки. К счастью, он не упал – выпря-

мился и как будто взял у гитариста что-то белое. И сразу пошел дальше прежней походкой. Хлопнула дверь почты, только солнце уже не блеснуло в стекле. А Федя-гитарист встал и пошел прочь. Гитара осталась на ступеньках.

Я оглянулся – учителя еще не было – и прыгнул через скамьи прямо к двери. Кто-то вскрикнул: «Ух!» – я вылетел в коридор и ходом припустился вниз, торопясь проскочить мимо учительской, чтобы вдруг случайно не встретиться с Тamarой Евгеньевной.

Звонок заливался вовсю, когда я выбежал из подъезда. Улица казалась совсем другой, чем сверху, и гитары не было на ступеньках универмага. Я пробежал вперед, на газон между тополями, и увидел совсем близко Федю – он успел вернуться за гитарой и опять отойти шагов на двадцать. Черный лак инструмента отражал все, как выпуклое зеркало на автобусах: дома, деревья, палевый корпус грузовика, проезжающего мимо. И меня, а рядом со мной кого-то еще. Я оглянулся. Рядом со мной стоял Степка, совершенно белый от волнения.

Такси

– Ты что? Тревога? – спросил Степка.

– С ним что-то неладно. – Я кивнул на спину гитариста.

– С Федором? А тебе-то что за дело? Ну и псих...

Я не знал, как быть. Мы торчали посреди улицы, где любой учитель мог нас взять на карандаш и завернуть обратно в школу. А гитарист удалялся по проспекту вниз, к Синему Камню – это у нас поселок так называется, два десятка домов за лесопарком. Тут выглянула из школы техничка тетя Нина, и мы как зайцы дунули через улицу.

Гитарист неторопливо вышагивал по длинным полосам тени, здоровался со знакомыми, встряхивал чубом. Мы шли за ним. Зачем? Я этого не знал, а Степка тем более. Он взъерошился от злости, но вел себя правильно – шел рядом и молчал. Так мы прошли квартал, до нового магазина «Фрукты – соки», перед которым стояло грузовое такси. Оно тоже было новое. Взрослые на такое не обращают внимания, а мы знали, что в городе появились два новых грузовых такси, голубых, с белыми полосами и шашками по бортам и с белыми надписями «таксомотор». Сур нам объяснил, почему «таксомотор»: когда автомобили только появились, их называли «моторами». Так вот, одно из новых такси красовалось у тротуара и уютно светило зеленым фонариком. Мордастый водитель сидел на подножке, насвистывал Федину любимую песню «На Смоленской дороге снега, снега...». Мы видели по гитаристовой спине, что он и такси заметил, и водителя, и свою «Дорогу» услышал и узнал отлично. Он небрежно вышагивал – высокий, поджарый, в черных брюках и рубашке и с черным инструментом под мышкой. Конечно, водитель с ним поздоровался. Федя остановился и сказал:

– А, привет механику!

Я подхватил Степку за локоть, и мы прошли мимо и остановились за кузовом машины. Степка молча, сердито выдернул локоть. Машина дрогнула, завизжал стартер... Я пригнулся, заглянул под машину и увидел ногу в черной штанине. Нога поднималась с земли на подножку. Это гитарист сел в кабину. «Давай», – сказал я, и мы разом ухватились за задний борт, перевалялись в кузов, под брезентовую крышу, пробежали вперед и сели на пол. Спинами мы прижимались к переднему борту, и нас не могли заметить из кабины. И машина сразу тронулась. Пока она шла тихо, я рискнул приподняться и заглянуть в окошечко – там ли Федя. Он был там. Гриф гитары постукивал о стекло.

Я прижал губы к Степкиному уху и рассказал о заведующем почтой, телеграфисте и вообще о Фединых фокусах. Машина ехала быстро. На ухабах нас било спинами и головами о доски борта. Поэтому, может быть, посреди рассказа я стал сам с собой спорить. Сказал, что я дурень и паникер и напрасно втянул Степку в историю. Конечно, Федя вел себя очень странно, да какое наше дело? Он вообще чудной. А я паникер.

Степка убрал ухо и сморщился. Он моей самокритики не выносит. Он показал, как играют на гитаре, и прошептал:

– А это он что – разучился? Ты видел, чтобы он гитару забывал?

Я зашептал в ответ, что после ночной смены можно голову позабыть, а не гитару. Что Феде просто надоело ждать Нелку. Он сидел, ему было скучно, и он шутил со знакомыми. Например, так: «А почту вашу ограбили». Почтари – будь здоров! – хватались за сердце. Потом он решил поехать Нелке навстречу, воспользовался своей популярностью и поехал на грузовом такси. Нормальное поведение. Друзей у него в городе каждый третий. Ну каждый пятый, не меньше...

– К Нелке поехал? – сказал Степка. – Она живет в обратной стороне вовсе. – Он подумал и добавил: – Хороши шуточки! А с гитарой на завод не пускают.

– Его везде пропустят.

– Это молокозавод, – сказал Степка. – Там чистота и дисциплина. А ты – идиёт.

Я все-таки рассердился:

– Ну, паникер, ну, шпионских книжек начитался, но почему я идиот?

– Потому. Федька вчера выступал в совхозе, в ихнем клубе. Загулял, наверно. А ты – лапша. Начал дело – доведи его до конца.

– Вот сам и доводи до конца, – окрысился я и полез к заднему борту, чтобы спрыгнуть, но в эту секунду по кузову забарабанили камешки, машина резко прибавила скорость – кончился город, пошло шоссе. Мы слышали, как смеются в кабине те двое, а машина летела как реактивный самолет. Приходилось ехать дальше. Мы в два счета проскочили стадион, сейчас будет подъем, и там спрыгнем... В-з-з-з! – внезапно провизжали тормоза, машина встала, и мы ясно услышали голос гитариста:

– ...Пилотируешь как молодой бог. Будь здоров!

– Да что там! – говорил водитель. – Будь здоров!

Степка влепил кулаком себе по коленке... Здесь, на юру, из машины не вылезешь – кругом поле. Но гитарист небрежно сказал:

– А поехали со мной, механик... Здесь рядом. Покажу такое – не пожалеешь.

Степка развел и сложил ладони: ловушка, мол... Я кивнул. Мы ждали, выкатив глаза друг на друга. Удивительно был прост этот «механик»! Он только проворчал:

– Поехать, что ли...

Дверца хлопнула, машина прокатилась до лесопарка и свернула на проселок.

Нас кидало в кузове, пыль клубами валила сзади под брезент. Зубы лязгали. Я чихнул в живот Степке. Но машина скоро остановилась.

– Пылища – жуть, – произнес Федин голос. – Топаем, механик?

Водитель не ответил.

– Э, парень, да ты чудак! – весело сказал Федя. – Сколько проехал, полста метров осталось... Ленишься? Езжай тогда домой.

– На «слабо» дураков ловят, – прошептал Степа.

Водитель шел неохотно, оглядывался на машину. Место было подходящее для темного дела – опушка елового питомника. Елочки здесь приземистые, но густые и растут очень тесно. Сначала скрылся за верхушками русский хохол гитариста, потом голова шофера в грязной кепке.

Мы спрыгнули в пыль, переглянулись, пошли. По междурядью, по мягкой прошлогодней хвое. Впереди, шагах в двадцати, был слышен хруст шагов и голоса.

Еловый пенёк

Междурядье было недлинное. Еще метров пятьдесят – и откроется круглая полянка. Туда и вел Федя таксиста, причем их аллея попадала аккуратно в середину поляны, а наша как бы

по касательной, вбок. Я было заторопился, но Степан махнул рукой, показывая: «Спокойно, без спешки!»

Эх, надо было видеть Степку! Он крался кошачьим шагом, прищулив рыжие глаза. Мы с Валеркой знали, и Сур знает, что Степка – настоящий храбрец, а что он бледнеет, так у него кожа виновата. На этом многие нарывались. Видят – побледнел, и думают, что парень струсил, и попадают на его любимый удар – свинг слева.

Значит, Степка, такой белый, что хоть считай все веснушки, и я – мы проползли последние два-три метра под еловыми лапами и заглянули на поляну.

Солнца еще не было на поляне. Пробивались так, полосочки, и прежде всего я увидел, как в этих полосах начищенными монетами сияют ранние одуванчики. Две пары ног шагали прямо по одуванчикам.

– Ну вот, друг мой механик, – говорил Федя. – Видишь ли ты пень?

– Вижу. А чего?

– Да ничего. Замечательный пень, можешь мне поверить.

– Пе-ень? – спросил шофер. – Пень, значит... Так... Пень... – Он булькнул горлом и проревел: – Ты на него смотреть меня заманил... балалайка?

– А тише, – сказал Федя. – Тише, механик. Этого пенечка вчера не было. Се ля ви.

– «Ля ви»? – визгливо передразнил шофер. – Значит, я тебя довез. А кто твою балалайку обратно понесет? – заорал он, и я быстро подался вперед, чтобы видеть не только их ноги. – И кто тебя обратно понесет?

Федя сиганул вбок, и между ним и шофером оказался тот самый пень. Шофер бросился на Федю. Нет, он хотел броситься, он пригнулся уже и вдруг охнул, поднял руки к груди и опустился в одуванчики. Все было так, как с двумя предыдущими людьми, только они удерживались на ногах, а этот упал.

Впрочем, он тут же поднялся. Спокойно так поднялся и стал вертеть головой и оглядываться. И гитарист спокойно смотрел на него, придерживая свою гитару.

Я толкнул локтем Степана. Он – меня. Мы старались не дышать.

– Это красивая местность, – проговорил шофер, как бы с трудом находя слова.

Гитарист кивнул. Шофер тоже кивнул.

– Я – Угол третий. Ты – Треугольник тринадцать? – проговорил гитарист.

Шофер тихо рассмеялся. Они и говорили очень тихо.

– Он самый, – сказал шофер. – Жолнин Петр Григорьевич.

– Знаю. И где живешь, знаю. Слушай, Треугольник... – Они снова заулыбались. – Слушай... Ты водитель. Поэтому план будет изменен. Я не успел доложить еще, но план будет изменен, без сомнения...

– Развезти эти... ну, коробки, по всем объектам?

– Устанавливаю название: «посредник». План я предложу такой – отвезти «большой посредник» в центр города. Берешься?

Шофер покачал головой. Поджал губы.

– Риск чрезвычайный... Доложи, Угол три. Я – как прикажут...

Степка снова толкнул меня. Я прижимался к земле всем телом, так что хвоя исколола мне подбородок.

– Меня Федором зовут, – сказал гитарист. – Улица Восстания, пять, общежитие молоко-завода. Киселев Федор Аристархович.

Шофер ухмыльнулся и спросил было:

– Аристархович? – Но вдруг крикнул и закончил другим голосом: – Прости меня. Эта проклятая... ну как ее... рекуперация?

– Ассимиляция, – сказал гитарист. – Читать надо больше, пить меньше. Я докладываю. А ты поспи хоть десять минут.

Они оба легли на землю. Шофер захрапел, присвистывая, а Федя-гитарист подложил ладони под затылок и тоже будто заснул. Его губы и горло попали в полосу солнечного света, и мы видели, что под ними шевелятся пятна теней. Он говорил что-то с закрытым ртом, неслышно; он был зеленый, как дед Павел, когда лежал в гробу. Я зажмурился и стал отползать, и так мы отползли довольно много, потом вскочили и дали деру.

Далеко мы не убежали. У дороги, у голубого грузовика, спокойно светящего зеленым глазком, остановились и прислушались. Погони не было. Почему-то мы оба стали чесаться – хвоя налезла под рубашки или просто так – в общем, мы боялись чесаться на открытом месте и спрятались. Рядом с машиной, за можжевельником. Эта часть лесопарка была как будто нарочно приспособлена для всяких казаков-разбойников: везде либо елки, либо сосенки, можжевельник еще, а летом потрясающе высокая трава.

– Дьявольщина! – сказал Степка. – Они видели нас... Ох как чешется.

– Они – нас? И при нас всё говорили?

– Ну да, – сказал Степка. – Они понарошку. Чем нас гнать, отвязываться, они решили мартышку валять. Дьявольщина!.. Чтобы мы испугались и удрали.

– Хорошо придумано, – сказал я. – Чтобы мы удрали, а после всем растрезвонили, что шофер Жолнин – «Треугольник тринадцать». Тогда все будут знать, что он сумасшедший или шпион. Т-с-с!..

Нет, показалось. Ни шагов, ни голосов. Через дорогу, у обочины, тихо стоял грузовик. Солнце взбиралось по колесу к надписи «таксомотор».

– Да, зря удрали, выходит, – прошептал Степка.

Зря? Меня передернуло как от холода. Все, что угодно, только не видеть, как один храпит, отвалив челюсть, а второй говорит с закрытым ртом!

– Хорош следопыт! – фыркнул Степка. – Трясешься как щенок.

– Ты сам удрал первый!

– Ну, врешь. Я за тобой пополз. Да перестань трястись!

Я перестал. Несколько минут мы думали, машинально почесываясь.

– Пошли, – сказал Степка. – Пошли обратно.

Я посмотрел на него. Не понимает он, что ли? Эти двое нас пришибут, если попадемся. А подкрадываться не видя противника – самое гиблое дело.

– Они же шпионы, – сказал я. – Мы должны сообщить о них, а ты на рожон лезешь. Слышал – клички, пароли, «большой посредник»? А «коробки» – бомбы, что ли? Надо в город подаваться, Степка. Ты беги, а я их выслежу.

– В город погодим. Пароли... – проворчал Степан. – Зачем они сюда забрались? Допустим, весь разговор был парольный. А место что, тоже парольное? Кто им мешал обменяться паролями в машине?

– Ладно, – сказал я. – Главное, чтобы не упустить.

– У него, гада, ларингофон, – сказал Степка. – Понимаешь? В кармане передатчик, а на горле такая штука, как у летчиков, чтобы говорить. Микрофон на горле. Дьявольщина! Кому он мог докладывать? Либо они мартышку валяли, либо шпионы. Здорово! И мы их открыли.

Я промолчал. По-моему, шпионы – гадость, и ничего хорошего в них нет. Выследили мы их удачно, только я, хоть убейте, не понимал, почему так переменялся шофер возле этого пенька... Был обыкновенный шофер и вдруг стал шпионом! Этот – «Угол третий» – с утра вытворял штуки, а шофер был вполне обыкновенный... Может, и «Смоленская дорога», которую он свистел, тоже пароль?

У Степана очень тонкий слух. Он первым услышал шаги и быстро стал шептать:

– Я прицеплюсь к ним, а ты лупи в город. К Суру. Там и встретимся.

Я прошептал:

– Нет, я прицеплюсь!

Но спорить было поздно. Затрещали веточки у самой дороги. Первым показался Федя – красный, пыхтящий, он тащил что-то тяжелое на плече. За ним потянулось бревно – второй его конец тащил шофер. Он пыхтел и спотыкался. Медленно, с большой натугой, шофер и Федя перебрались через канаву. Вот так здорово – они тащили пень! Тот самый, о котором говорилось, что вчера его не было, с белой полосой от сколотой щепы – знаете, когда валят дерево, то не перепиливают до конца, оставляют краешек, и в этом месте обычно отщепывается кусок.

Шофер открыл дверцу в заднем борту, и вдвоем они задвинули пень внутрь – машина скрипнула и осела. Чересчур он оказался тяжелым, честное слово...

Федя отряхнул рубаху. Гитара торчала за его спиной. Она была засунута грифом под брючный ремень, а тесьма куда-то подевалась. Я помнил, что утром тесьма была. Федя изогнулся и выдернул гитару из-под ремня, а шофер подал ему узелок, связанный из носового платка.

Мне показалось, что в узелке должны быть конфеты, так с полкило.

Тут же Федя проговорил:

– Конфет купить, вот что... В бумажках. – Он осторожно тряхнул узелок, шофер кивнул. – Лады, Петя. Я сяду в кузов.

– Незачем, – сказал шофер. – Садись в кабину.

– Мне бы надо быть с ними.

– Слушай, – сказал шофер, – эти вещи я знаю лучше, я водитель. Включу счетчик, поедем законно. Увидят, как ты вылезашь из пустого кузова, будут подозрения. Поглядывай в заднее окно. Доведем!

– Ну хорошо. – Киселев прикоснулся к чему-то на груди, под рубахой. Наклонился, чтобы отряхнуть брюки, и на его шее мелькнула черная полоска. Что-то было подвешено у него под рубахой на тесьме от гитары...

Они полезли в кабину.

Я знал, что мы должны выскочить не раньше чем машина тронется, потому что шоферы оглядываются налево, когда трогают. Я придержал Степку – он стряхнул мою руку. Федя в кабине спрашивал:

– Деньги у тебя найдутся внести в кассу? Я пустой.

– На-айдутся, какие тут деньги... Километров тридцать – трешник... Зачем они теперь, эти деньги?!

Они вдруг засмеялись. Заржали так, что машину качнуло. Взревел двигатель, и прямо с места машина тронулась задом, с поворотом, наезжая на наш можжевельник. Мы раскатились в стороны.

Голубой кузов просунулся в кусты – р-р-р-р! – машина рванулась вперед, и Степка прыгнул как блоха и уцепился за задний борт. Я чуть отстал, и этого хватило, чтобы Степка оттолкнул меня ногами, сшиб на землю и перевалился в кузов. И вот они укатили, а я остался.

Пустое место

Я не ушибся, мне просто стало скверно. Минуты две я валялся, где упал, а потом увидел перед своим носом Степкину авторучку, подобрал ее и поднялся. Пыль на дороге почти осела, только вдалеке еще клубилась над деревьями. Я постоял, посмотрел. Закуковала кукушка – близко, с надрывом: «Ку-ук! Ку-ук!...»

Она громко прокричала двадцать два или двадцать три раза, смолкла, и тогда я побежал на еловую поляну. Мне надо было мчаться в город и поднимать тревогу, выручать Степку от этих людей – все я знал и понимал. Меня, как собаку поводком, волокло на полянку, я должен был посмотреть – тот пень или не тот. И я вылетел на это место и едва не заорал: пень исчез.

И если бы только исчез!

Он совершенно следа не оставил: земля кругом не была разрыта, никакой ямы, лишь в дерне несколько неглубоких вдавлен.

Значит, Федя не соврал, что вчера этого пня не было. Его приволокли откуда-то. Судя по траве, недавно – ночью или утром. Трава под ним не успела завянуть. А вот следы шофера и Феи. Даже на поляне, где земля хорошо просохла, они пропечатались, а в сырых аллеях были очень глубокими.

Пень весил центнер, не меньше.

Вот уж действительно дьяволышка, подумал я. То притаскивают этот несчастный пень, то увозят... И больно он тяжел для елового пня.

Федя сказал так: «Взять в машину «большой посредник» и отвезти в город».

«Большой посредник»... Посредники бывают на военных играх, они вроде судей на футболе и хоккее – бегают вместе с игроками.

Да, но люди, не пни же... Ставят, увозят...

Совсем запутавшись, я начал искать следы тех, кто принес «посредник» сюда. Не мог он прилететь по воздуху и не мог потяжелеть, стоя здесь, правда? Так вот, никаких следов я не обнаружил, хотя излазил все аллеи до одной. Минут пятнадцать лазил, свои следы начал принимать за чужие, и так мне сделалось страшно, не могу передать. Когда рядом со мной взлетела птица, я начисто перепугался и без оглядки помчался на большую дорогу.

Автобус

Я выбежал на шоссе, на свежий полевой ветер. Он разом высушил спину, мокрую от испуга и беготни, и я удивился, до чего хорош наступающий день. Солнце было яркое, а не туманное, как в предыдущие утра. Синицы орали так звонко и густо, будто над лесопарком висела сеть из стеклянных иголок. Несмотря на ранний час, асфальт уже подавался под каблучком и хотелось искупаться. Я представил себе, что сбрасываю тяжелые брюки и лезу в воду. Купание!.. О нем и думать не стоило. Надо было мчаться к Суру, поднимать тревогу.

Флажок автобусной остановки желтел слева от меня, высоко на подъеме. Пробежав к нему, я сообразил, что надо было бежать в обратную сторону, не навстречу автобусу, а от него, и не в гору, а вниз. Но возвращаться уже не стоило, и, если некогда купаться, я хоть мог поглядеть с холма на пруды.

И правда, от остановки открывалась панорама: прямо по шоссе – дома и водоканал Синего Камня, левее – лес и пруды с песчаными берегами, потом лесопарк и, наконец, весь наш городок как на блюдечке. Три продольные улицы и пять поперечных, завод тракторного электрооборудования, элеватор, молокозавод – вот и все. Мне, как всегда, стало обидно. Люди живут в настоящих городах, с настоящими заводами, а наш – одно название что город. Это электрооборудование делают в четырех кирпичных сараях. Правда, молокозавод новый, хороший.

Я стал поворачиваться дальше, налево, обводя взглядом круг. По той стороне шоссе тянулись поля и пруды совхоза, перелески и дальше гряда холмов, уходившая за горизонт. Их я нарочно приберег напоследок, потому что на ближнем холме стоял радиотелескоп. Он был отлично виден – плоская чаша антенны на сквозной раскоряченной подставке. Антенна тоже сквозная, она только казалась сплошной и маленькой, с чайную чашку. На самом деле она была почти сто метров в диаметре, нам говорили на экскурсии. Под телескопом белели три коробочки: два служебных корпуса и один жилой, для научных сотрудников. Забор казался белой ниточкой, огибающей холм. Здорово! Очень хотелось увидеть, как телескоп поворачивается, но чаша неподвижно смотрела в небо и ее огромная тень неподвижно лежала на склоне.

Я загляделся, а тем временем приблизился автобус. Маленький, синий, с надписью: «Служебный». Не стоило и руку поднимать, этот автобусик был с радиотелескопа.

И вдруг он остановился. Дверцу даже открыли и крикнули: «Садись, мальчик!»

Я не стал бы рассказывать так дотошно про автобус и дорогу в город, если бы не Вячеслав Борисович. Он ехал в этом автобусе, он меня и посадил: водителю и Ленке Медведевой это бы и в голову не пришло. О нем я знал, что он научный сотрудник с радиотелескопа. Довольно молодой, светловолосый, в сером костюме. Приезжий. Их там было человек десять приезжих, остальные местные, как Ленка Медведева – радиотехник.

Вячеслав Борисович вел себя не по-начальнически. Он смеялся все время, подшучивал надо мной: почему я такой красный и взъерошенный и что я делал в лесопарке в учебное время. Я как-то растерялся и грубо спросил:

– А вы зачем в рабочее время катаетесь?

Он захохотал, хлопнул себя по ноге и воскликнул:

– Вопрос ребром, а? А знаешь ли ты, что такое нетерпение сердца?

Я покачал головой.

– На почту пришел пакет, – сказал он нежно. – Голубенький. Ты можешь не улыбаться. Настала моя очередь. И нетерпение сердца велит мне получить голубое письмо немедленно. В самое рабочее время. – Он потер ладони и притворно нахмурился: – Но оставим это. Хороши ли твои успехи в королеве наук – математике?

Я сказал:

– Не особенно.

Вячеслав Борисович мне страшно понравился, и мы очень весело доехали. Даже Ленка вела себя как человек. Понимаете, эти девчонки, едва наденут капроновые чулки, начинают на людей смотреть... Ну, как бы вам сказать? У них на лицах написано: «Нет, ты не прекрасный принц и никогда им не будешь». Но веселый нрав Вячеслава Борисовича действовал на Ленку Медведеву положительно. Она улыбалась всю дорогу и сказала на прощание: «Будь здоров, привет Симочке». Симка – это моя сестра, старшая.

Меня высадили на углу улицы Героев Революции, наискосок от тира, и я перебежал улицу, спустился в подвал и дернул дверь оружейной кладовой. Она была заперта. Все еще надеясь, что Степка в зале вместе с Суреном Давидовичем, я метнулся туда.

В стрелковом зале было темно, лишь вдалеке сияли мишени. Резко, сухо щелкали мелкокалиберные винтовки – трое ребят из техникума стреляли, Сурен Давидович сидел у корректировочной трубы, а Степки не было.

Тревога!

Когда я пригляделся в темноте, обнаружился еще Валерка – он махал мне со стопки матов. Сурен Давидович проговорил не отрываясь от трубы:

– Зачем пришел?.. Хорошо, Верстович! – Это уже стрелку.

Мы могли ввалиться к Суру хоть среди ночи с любым делом или просто так. Только не во время работы. Сур – замечательный тренер и сам стреляет лучше всех. Проклятая астма! Сур был бы чемпионом Союза, если б не астма, я в этом убежден.

– Восьмерка на «четыре часа» ¹, – сказал Сур. – Дышите, Ильин, правильно.

Я спросил у Верки:

– Давно стреляют?

– Только начали, – прошептал Верка. – А Степка где?

¹ Инструктор говорит стрелку, что пуля попала в восьмой пояс мишени, ниже и правее центра – по линии часовой стрелки, показывающей на циферблате цифру «четыре».

– Помолчите, гвардейцы, – сказал Сурен Давидович. – Хорошо, Ильин! Бейте серию с минимальными интервалами!

Я сам видел, что тренировка началась недавно – мишени чистые. Значит, Сур освободится через час. Раньше не отстреляются.

– Не узнаю вас, Оглоблин. Внимательней, мушку заваливаете!

Невозможно было целый час ждать. Я подобрался к Суру и прошептал:

– Сурен Давидович, тревога, Степа в опасности...

Он внимательно покосился, кашлянул, встал:

– Стрелки, продолжайте серию! Валерий, корректируй...

Верка, счастливый, кинулся к трубе, а мы вышли в коридор. Мне казалось, что Сурен Давидович очень рассержен, и я стал торопливо, путаясь, рассказывать:

– Степка уехал на новом такси из лесопарка, а в такси сидели шпионы...

– Какие шпионы? – спросил он. – Откуда шпионы?

Я вернулся к началу – как шел и увидел Федю-гитариста. Сур слушал вполуха, посматривая на дверь, глаза так и светились в темном коридоре. Я заспешил. Скоренько рассказал, как шофер свалился у пня. Сурен Давидович повернулся ко мне:

– Что-о? Тоже схватился за сердце?

– И еще упал. Это не всё, Сурен Давидович!

– Подумай только, не всё... – пробормотал он. – Рассказывай, Лешик, рассказывай.

Я рассказывал, и мне становилось все страшней. В лесопарке я на четверть – да что, на десятую так не боялся. Там мы были вместе. А где сейчас Степка? Я боялся, здорово боялся.

Когда я закончил, Сур проворчал:

– Непонятная история... Лично мне Киселев был симпатичен.

– Федя? Еще бы! – сказал я. – А теперь видите, что получается!

– Пока вижу мало. Пень был очень тяжелый, говоришь? – Он покосился на дверь, откуда слышались выстрелы, и тогда я понял...

– Оружие в нем, а в платке патроны! – завопил я. – Сурен Давидович! А на шее автомат, на гитарном шнуре!

– Лешик, не торопись. Оружие? – Он вел меня за плечо к кладовой. – Шпионам зачем прятать оружие. Я даже думаю, что шпиону просто не нужно оружие. Пистолетик, может быть... Но маленький, маленький. Бандит, грабитель – другое дело.

– Шпиону и оружие не нужно? Что вы, Сурен Давидович! Везде пишут: бесшумный пистолет, авторучка-пистолет...

– Авторучка – понятно, – говорил Сур, входя в кладовую. – Маленький предмет, укромный. Хранится на теле. Зачем целый пень оружия? Через пень-колоду... Где мой блокнот? Вот мой блокнот. Сядь, Лешик. Я думаю, что шпиону совсем не нужен пистолет. Шпион, который выстрелил хоть однажды, уже покойник... Побег, пожалуйста, и пригласи сюда Валерика.

Верка не особенно обрадовался приглашению. Он корректировал стрельбу больших парней, покрикивал гордым голосом. Они тоже покрикивали: Верка путал, где чья мишень. Он вздохнул и побежал за мной, спрашивая:

– А что? Тревога? Вот это да!

Сур уже написал записку. Он сказал:

– Валерик, время дорого. Лешик все расскажет тебе потом, ни в коем случае не по дороге. Так? (Я кивнул.) Так. Вот что я написал заместителю начальника милиции капитану Рубченко: «Дорогой Павел Остапович! Ты знаешь, я из-за болезни не могу выйти «на поверхность». Очень тебя прошу: зайди ко мне в тир, срочно. Не откладывай, пожалуйста. Твой Сурен». Валерик, беги. Если нет дяди Павла, передай записку майору. Если нет обоих – дежурному по отделу. Запомнил? Ты же, Лешик, ищи Степана. Тебе полчаса срока... нет, двадцать минут. А ты, Валерик, передай записку и сейчас же возвращайся.

Он посмотрел на нас и, чтобы приободрить, сказал:
– Гвардия умирает, но не сдается. Бе-егом ар-рш!

Мы начинаем действовать

Мы вылетели «на поверхность» и припустили по дворам. Что я мог успеть за двадцать минут? Пробежаться по улицам да заглянуть на почту. Милиция тут же, рядом. (Почта выходит на проспект, а милиция – на улицу Ленина, но двор у них один, общий с универмагом и химчисткой.) У нас есть правила, как вести себя при «тревоге». Сегодня я объявил ее, а вообще мог объявить каждый, от Сура до младшего, то есть Верки. Сурен Давидович никогда не приказывал, его и так слушались, но всегда обсуждали, как лучше сделать то или это. Когда же объявлялась тревога, споры-разговоры кончались. Сур становился командиром. Мне было приказано двадцать минут разыскивать Степку, а Верке – передать записку и возвращаться. Значит, я не должен заглядывать в милицию, хотя Степка, конечно уж, постарался навести милицию на след. И Верка напрасно поглядывал на меня, пришлось ему идти одному. Я посмотрел, как он нерешительно поднимается на крыльцо, а сам побежал дальше. На углу остановился, пригладил волосы. Казалось, все насквозь видят, зачем я иду на почту.

...Солнце теперь светило вдоль улицы, мне в лицо. Кто-то выглядывал из окошка математического кабинета на третьем этаже школы. Чудно было думать, что сейчас я виден из этого окна совершенно так же, как были видны Федя-гитарист и остальные двумя часами раньше. Только я шел к школе лицом, а не спиной, как почтари, и Федя не сидел на ступеньках.

Ударил стеклянная дверь. Пахло сургучом, штемпельной краской – нормальный запах почты. Я заставил себя не высматривать этих двух, которые хватились за сердце. Сунул руки в карманы и оглядывался, будто хочу приобрести марку.

Народу было немного, по одному у каждого окошечка. Степки не было. В самом деле, черта ли ему в этой почте!.. Кто-то оглянулся на меня. Пришлось для конспирации купить открытку за три копейки. От барьера я увидел, что оба почтаря на местах: один сидел за столиком с табличкой «Начальник отделения связи», второй работал на аппарате, трещал как пулемет. Рядом с окошком, в котором продавались открытки, висело объявление, написанное красным карандашом: «Объявление! До 16:00 сего числа междугородный телефон не работает, так как линия ставится на измерение». «Как они ее будут мерить, эту линию?» – подумал я, взял свою открытку, и тут мне навстречу открылась дверь и вошел Федя-гитарист. Открытка выскочила из моих пальцев и спланировала в угол, к урне...

Я не спешил поднять открытку. Носком ботинка загнал ее за урну и, кряхтя, стал выуживать – смял, конечно. А Федя с изумительной своей улыбкой придвинулся к окошечку и попросил своим изумительным баритоном:

– Тамар Ефимовна, пяточек конвертиков авиа, снабдите от щедрот?

Та, ясное дело, заулыбалась. Я подобрал открытку и с дурацким видом стал подходить к улыбающейся Тамаре Ефимовне, а Федя установил ноги особенным, шикарным образом и разливался:

– Погода ликует, вы же тут сидите, не щадя своей молодости... – и всякую такую дребедень.

Поразительно, как быстро я его возненавидел. Два часа назад я смотрел на него с восторгом – что вы, Федор Киселев, первая гитара города, фу-ты ну-ты! Сур только что сказал, что Киселев ему нравится, а сейчас тревога, поэтому «нравится» Сура надо считать приказом.

Понимаете, до чего надо обалдеть, чтобы такие мысли полезли в голову?

– А, пацан! – сказал Федя. – Получи конфетку.

Он вынул из правого кармана карамельку «Сказка». На бумажке – тощий розовый кот с черным бантиком на шее и черными лапами. Внутри – настоящая конфета. Я развернул ее, но есть не стал. Купили они конфет все-таки! Зачем?! Вот дьяволыщина!

А Суру я забыл рассказать про конфеты!

– Это вам, Тамар Ефимовна, – сказал Федя и подал ей такую же конфету.

– Вам... прошу вас... угощайтесь. – Он обошел все окошки, все его благодарили.

Прошло уже десять минут, но я отсюда уходить не собирался.

– Те-тенька Тамара Ефимовна, – проныл я, – открытку я испортил, – и показал ей смятую открытку.

– Так возьми другую открытку, цена – три копейки, – услышал я.

Услышал. Лица Тамары Ефимовны я не видел, потому что смотрел на Федю, а он достал из другого кармана конфету и ловко перебросил ее на стол начальника.

– Угощайтесь, товарищ начальник!.. И вы, пожалуйста! – Это уже старшему телеграфисту. – И вам одну. – Он обращался к девушке, подающей телеграмму, и достал очередную конфету опять из правого кармана...

– Я сегодня деньрожденник, угощайтесь!

– Те-тенька, у меня денег больше нет, – с ужасом гудел я в это время, потому что был уверен: конфеты из правого кармана отравлены. И я не мог закричать: «Не ешьте!» До сих пор стыжусь, когда вспоминаю эту секунду. Мне, идиоту, казалось важнее поймать шпиона, чем спасти людей...

– Тетенька, дайте тогда конфе-е-етку...

Но поздно, поздно! Она уже хрустела этой карамелькой, а бумажка с розовым котом, аккуратно разглаженная, красовалась под стеклом на ее столе.

– Вот какой! – сказала Тамара Ефимовна. – Какие наглые пошли дети, просто ужас! Вы слышали, Феденька?

Все уставились на меня, лишь толстый телеграфист трещал на своей машинке.

Федя обмахивался конвертами как веером.

– Любишь сладенькое, а? Ты ж эту не съел, сластена... – Он приглядывался ко мне очень внимательно.

Я начал отступать к двери, бормоча:

– Симке, по справедливости... Одну мне – одну ей... Сестре, Симке...

– Без всяких усилий я выглядел совершенно несчастным и жалким.

Девушка, подающая телеграмму, покраснела – ей было стыдно за меня. Федя сказал:

– Держи, семьянин, оп-ля!

Я не шевельнулся, и конфета (из правого кармана) упала на линолеум.

В эту секунду я почувствовал, что телеграфист, не поднимая головы и ничего не говоря, подал знак Феде. И сейчас же со мной случилось ужасное: будто меня проглотило что-то огромное и я умер, но только на секунду или две. Огромное выплюнуло меня. Конфета еще лежала на чистом квадратике линолеума, между мной и гитаристом, и он смотрел на меня как бы с испугом.

Кто-то проговорил: «Очень нервный ребенок». Девушка сунулась поднять конфету, но Федя нагнулся сам, опустил конфету мне в руку и легонько подтолкнул меня к двери. Бам! – ударила дверь.

Я стоял на тротуаре, мокрый от волнения, как грузовая лошадь.

А за стеклом почти уже все двигали челюстями, жевали проклятые конфеты. Даже толстый телеграфист – я видел, как он сунул карамельку за щеку.

Они оживленно разговаривали. Кто-то показал пальцем, что я стою за окном, и я сорвался с места и ринулся к Сурену Давидовичу.

Двойная обертка

Степка не вернулся. В кладовой Верка чистил мелкокалиберный пистолет. Сурен Давидович брился, устроившись на своей койке под окошком, в глубине каморки.

– Гитарист раздает отравленные конфеты! – выпалил я. – Вот!

Сур выключил бритву.

– Эти конфеты? Почему же они отравлены? Вот водичка, напейся...

Правда, я отчаянно хотел пить. Глотнул, поперхнулся. Верка тут же врезал мне между лопаток.

– Отстань, краснобровкин! – зарычал я. – На почту он пришел и раздает конфеты. В правом кармане отравленные, а в левом – не знаю.

– Опять почта? Сегодня слишком много почты. – Сур взял развернутую конфету, посмотрел: – Ты говоришь, отравлены? Тогда яд подмешали прямо на фабрике. Смотри, поверхность карамелек абсолютно гладкая. Давай посмотрим другую. – Он стал разворачивать вторую конфету и засмеялся: – Лешик, Лешик! Ты горячка, а не следопыт... – Сур снял одного розового кота, а под ним самодовольно розовел второй такой же.

Валерка захихикал. Дураку было понятно, что отравитель не станет заворачивать конфетку в две одинаковые бумажки.

– Кот в сапогах, – сказал Сур. – Автомат на фабрике случайно обернул дважды.

Ох я осёл!.. Я невероятно обрадовался и немного разозлился. С одной стороны, было чудесно, что конфеты не отравлены и Тamar Фимна и остальные останутся в живых. С другой стороны, зачем он раздавал конфеты? Если бы отравленные, тогда понятно зачем. А простые? Или он карманы перепутал и своим дал отравленные, а чужим – и мне тоже – хорошие? Но я-то, я, следопыт!.. В конфетной обертке не смог разобраться. Действительно, кот в сапогах. А я все думал: почему нарисован кот с бантиком, а называется «Сказка»? Сапоги плохо нарисованы – не то лапки черные, не то сапоги. «Попался бы мне этот художник!..» – думал я, рассказывая о происшествиях на почте.

Я упорно думал о неизвестном художнике, чтобы не вспоминать про то, как я умирал. Об этом я не рассказал, а насчет всего остального рассказал подробно. Верка таращил глаза и ойкал – наверно, Сур объяснил ему кое-что, пока меня не было.

Сур записал мой доклад в блокнот. Потыкал карандашом в листок:

– Из правого кармана он угощал всех, а из левого кармана – по выбору. Так, Лешик? В лесу он же говорил, что надо купить конфет... Хорошие дела...

– В левом отравленные! – страшным шепотом заявил Верка. – Точно, дядя Сурен!

– Не будем торопиться. – Он включил бритву. – Романтика хороша в меру, гвардейцы. (Ж-ж-ж-жу-жу... – выговаривала бритва.) Думаю, что все объяснится просто и не особенно романтично.

– Шпионы! – сказал я. – Тут не до романтики.

Он выключил бритву.

– Скажи, а я, случаем, не шпион?

– Вы?

– Я. Живу в подвале, домой не хожу, даю мальчикам странные поручения. Подозрительно?

– Вы хороший, а они шпионы, – сказал Верка.

– Никто не имеет права, – сердито сказал Сур, – обвинить человека в преступлении, не разобравшись в сути дела. Поняли?

– Поняли, – сказал я. – Но мы ведь не юристы и не следователи. Мы же так, предполагаем просто.

– Не юрист? Вот и не предполагай. Если я скажу тебе, что, возможно, – понимаешь, возможно, – Киселев затеял ограбление? Горячка! Ты будешь считать его виноватым! А так даже думать нельзя, Лешик.

– Вот так так! А что можно?

– Изложить факты Павлу Остаповичу, когда он придет. Только факты. Долгонько же он... Верка сказал:

– Он обещал быстро прийти. Говорит, освободится и живой ногой явится.

Сур посмотрел на часы. Я понял его. Он думал о Степке. Но кто разыщет Степку лучше, чем милиция?

Мы стали ждать. Сурен Давидович велел мне быть в кладовой, а сам пошел в стрелковый зал. Верка побежал во двор, высматривать капитана Рубченко. Я от волнения стал надраивать пистолет, только что вычищенный Веркой. Гоняя шомпол, заглянул в блокнот Сура.

Он был прав, в пеньке хранится оружие, с конфетами передаются, предположим, записки, но почему все хваталось за сердце?

И тут Верка примчался в тир с криком:

– Дядя Сурен, дядя Павел пришел!

Капитан Рубченко

Павел Остапович Рубченко – друг Сура. Раньше они дружили втроем, но третий, Валеркин отец, умер позапрошлой осенью. Для нас Павел Остапович был вроде частью Сура, и я чуть на шею ему не бросился, когда он вошел, большой, очень чистый, в белоснежной рубашке под синим пиджаком. Он редко надевал форму.

– Здравия желаю, пацан!

Я сказал весело:

– Здравия желаю, товарищ капитан!

– Какие у вас происшествия? Пока вижу – проводите чистку оружия. Опять школой пренебрегаешь?

– У, такие происшествия... Вы Степку не видели?

Он Степку не видел. Тут заглянул Сур и попросил одну минуту подождать, пока он примет винтовки. Рубченко кивнул в сторону тира и покачал пальцем. Сур сказал: «Вас понял» – и позвал меня оттащить винтовки. Ого! Рубченко не хотел, чтобы его здесь видели, следовательно, уже известно кое-что... Я выскочил, бегом потащил винтовки. Сур даже чистку отменил, чтобы поскорее выпроводить студентов из тира, и сам запер входную дверь. Теперь нам никто не мог помешать, а Степка, в случае чего, откроет замок своим ключом или позвонит в звонок. Я уселся так, чтобы видеть двор через окно. Сурен Давидович прикрыл дверь в кладовую, закурил свой астматол и показал на меня:

– Вот наш докладчик.

Рубченко поднял брови и посмотрел довольно неприветливо. По-моему, каждый милицкий начальник удивится, если его притащат по жару слушать какого-то пацана.

Сур покраснел и сказал:

– Алеша – серьезный человек. Рассказывай подробно, пожалуйста, – и открыл свой блокнот.

Я стал рассказывать и волновался чем дальше, тем пуще. «Где же Степка?» – колотило у меня в голове. Я вдруг забыл, как Федя познакомился с таксистом, какие слова они говорили у пенька. Сур подсказал мне по блокноту. Рубченко теперь слушал со вниманием, кивал, поднимал брови. Когда я добрался до разговора о конфетах – первого, еще на проселке, – хлопнула входная дверь, и в кладовую влетел Степка.

Мы закричали: «У-рур-ру!», Сурен Давидович всплеснул руками. Степан порывался с ходу что-то сказать и вдруг побелел как стенка. «Что за наваждение! – подумал я. – Упустил он гитариста, что ли?»

Степка встал у двери, уперся глазами в пол – как воды в рот набрал. Таким белым я его еще не видывал. Наверно, Сур что-то понял. Почувствовал, вернее. Он быстро увел Степку под окошко, посадил на койку и налил воды, как мне только что. Степка глотал громко и выпил два стакана кряду.

– Набегался, хлопчик, – ласково сказал Рубченко. – Вода не холодная в графине? Напьешься холодного, раз-раз – и ангина!

Степка и тут промолчал. Даже Верке-несмышленишу стало совестно – он заулыбался и засиял своими глазницами: не обижайся, мол, дядя Павел, Степка хороший, только чудной.

Сурен Давидович сказал:

– Степа принимал участие в этом деле. (Рубченко кивнул.) После Алеши он тоже кое-что расскажет. Хорошо, Степик?

Степка пробормотал:

– Как скажете, Сурен Давидович.

Кое-как я продолжал говорить, а сам смотрел на Степку. Они с Суром сидели напротив света, так что лица не различались. Я видел, как Сур подал ему винтовку и шомпол, придвинул смазку. Сам тоже взял винтовку. И они стали чистить. Степка сразу вынул затвор, а Сур, придерживая ствол под мышкой, открыл тумбочку и достал пузырек с пилюлями против астмы. Я в это время рассказал про пустую поляну и про следы в одну сторону, а Рубченко кивал и приговаривал:

– Так-так... Не было следов? Так-так... Подожди, Алеша, он повернулся к Степке: – Ты, хлопчик, до самого города проехал в такси?

Степка сказал:

– До места доехал.

– Куда же?

– Въехал в ваш двор, со стороны улицы Ленина. Через арку.

– Они тебя обнаружили?

– Я спрыгнул под аркой. Не обнаружили.

– Молодец! – горячо сказал Рубченко. – Ловко! Проследил, что они делали впоследствии?

В эту секунду Сурен Давидович щелкнул затвором и пробурчал:

– Каковы мерзавцы! Патрон забыли в стволе...

Капитан повернулся к нему:

– Прошу не мешать! Речь здесь идет о государственном преступлении!

Во! Я чуть не лопнул от гордости. Говорил я им, говорил – шпионаж! Я страшно удивился, почему Степка не обрадовался. Он швырнул свою винтовку на кровать и сказал тихим, отчаянным голосом:

– Сурен Давидович... Вон он, – Степка ткнул пальцем прямо в Рубченко, – он тоже хватался за сердце перед пеньком. Он – «Пятиугольник двести». Я видел.

Мы замерли. Мы просто остолбенели. Представляете? И капитан сидел неподвижно, глядя на Степку. Сурен Давидович прохрипел:

– Остапович, как это может быть?

Но капитан молчал. А Степка вдруг прикрыл глаза и откинулся к стене. Тогда Рубченко выставил подбородок и ответил:

– Объясню без свидетелей. Государственная тайна! – и опять уставился на Степана.

Он смотрел сурово, словно ожидая, что Степка должен отречься от своих слов. Но где там! Степка вскочил и выкрикнул:

– Объясняйте при нас!

Сур прохрипел снова:

– Остапович, как это может быть?

– Пустяки, пустяки, – ответил Рубченко и живо завозился руками у себя на груди. – Ничего не может быть...

Поперек комнаты ширкнуло прозрачное пламя, щелкнула винтовка. Я ничего не понял еще, а капитан Рубченко уже падал со стула. Сурен Давидович смотрел на него, сжимая винтовку, и из стены, из громадной черной дыры, сыпался шлак. Дыра была рядом с головой Сура.

Несчастье

Говорю вам, мы ничего не поняли. Мы будто ошеломенели. В косом столбе солнечного света блеснул седой ежик на голове Павла Остаповича, – капитан падал головой вперед, медленно-медленно, в полной тишине. Только шуршал черный шлак, осыпая белую клеенку на тумбочке; Степка еще стоял с поднятой рукой – так быстро все произошло. Я еще без страха, будто во сне, смотрел, как капитан грудью и лицом опустился на половицы, как из-под его груди снова ширкнуло пламя, ударило под кровать, и оттуда сразу повалил дым. Потом Сур вскрикнул: «Остапович!» – и попытался поднять капитана, а Степка неуверенно взял графин и стал плескать под койку, откуда шел дым. Я очнулся, когда Верка закричал и закатил глаза.

Мне пришлось вытащить его в коридор. Он перестал кричать и вцепился в меня. У меня до сих пор синяки – так он крепко ухватился за мои руки. Я сказал Верке:

– Сейчас же прекрати истерику! Надо помогать Сурену Давидовичу. А еще гвардеец...

Он немного ослабил руки. Кивнул.

– Ты, может, домой побежишь? – спросил я.

– Я буду помогать, – сказал Верка.

– Нет, уходи домой, – сказал я, но это были пустые слова.

Верка по-детски, с перерывами, вздохнул и пошел за мной.

В кладовой остро пахло дымом. Павел Остапович лежал на кровати. Сур стоял над ним и жалобно говорил по-армянски, ударяя себя по лбу кулаками. Он совсем задыхался. Мрачный, но несколько не испуганный Степка стоял набычившись, я не смотрел в ту сторону.

Я прошептал:

– Степ, как это получилось? Он умер?

Степка дернул плечом. Я понял: умер. Но я все еще думал о случайном выстреле. Как же Сур, такой опытный стрелок, мог случайно выстрелить, доставая патрон из ствола?

Тогда Степка сказал:

– Смотри, – и показал куда-то вбок.

Я не мог отвести глаз от Сура и не понимал, куда Степка показывает. Он за плечи повернул меня к столу. Там лежал поразительный предмет. Он был ни на что не похож. С первого взгляда он смахивал на стальную палку, но стоило секунду приглядеться, чтобы понять – эта штука не стальная, и даже не металлическая, и не палка уж наверняка. Даже не круглая. Овальная? Нет, бугристая, будто ее мяли пальцами. Зеленовато-блестящая. На одном конце был черный, очень блестящий кристалл, а у другого конца выступали две пластинки вроде двух плавников. Несколько секунд я думал, что это сушеный кальмар – пластинки были похожи на хвост кальмара или каракатицы. В длину штука имела сантиметров тридцать.

– Видел? Это бластер, – прошептал Степа.

У меня совсем ослабели ноги. Бластер! В некоторых фантастических рассказах так называются ружья, стреляющие антимагией, или лучевые. В рассказах, понимаете? Но мы-то были не в рассказе, а в доме три по улице Героев Революции, в подвальном этаже, переделанном под тир. И здесь, на столе оружейной кладовой, вдруг оказался бластер, который принес под пиджаком капитан Рубченко, заместитель начальника милиции.

Я поверил сразу – бластер настоящий. Степка прав. В косом свете бластер отливал то зеленым, то серым, волчьим цветом. Он был абсолютно ни на что не похож. Теперь я понял, что за пламя ширкало, почему в бетонной стене выжжено углубление размером с голову и, главное, почему выстрелил Сурен Давидович.

Я держался за край стола. Ох, слишком многое случилось за одно утро, и конца событий не было видно!

Шнурок

И еще оставалось тело Рубченко на кровати.

Мне было страшно заговорить, взять в руки бластер, взглянуть на Сурена Давидовича. Степка же был не таков. Он потрогал бластер и сказал нарочито громко:

– Совершенно холодный!

Сур услышал и обернулся. Ох, вспомню я эту картину... Как он смотрит коричневыми ярыстными глазами на разорение, на дрожащего Верку, на винтовки, валяющиеся в лужах, и на бластер... Он посмотрел и внезапно заметался, открыл железный шкаф с оружием и быстро-быстро стал запихивать в него винтовки. Потянулся к бластеру – Степка перехватил его руку.

– Это спуск, Сурен Давидович, эти вот крылышки.

Сур начал крепко тереть виски. Тер со злостью, долго. Потом проговорил:

– Конечно, спуск. Вот именно... Где шнурок?

Степка показал пальцем – на полу, а я поднял. Черный шнурок от ботинок, вернее, два шнурка, связанных вместе. Все четыре наконечника были целы, торчали на узлах.

– Понимаю, – сказал Сур. – Брезгуешь... – Принял у меня шнурок, положил в шкаф. – Напрасно все-таки брезгуешь, Степан.

– Он предатель, – сказал Степка, показывая на Рубченко, – а вы его жалеете!

Я вздрогнул – рядом со мною закричал Верка:

– Врешь! Дядя Павел – папин друг, а не предатель, врешь!

– Так, мой мальчик... Степан, слушай меня: если Павел Рубченко – предатель, то и я предатель. Таких людей, как он... – Сур закашлялся. – Он не только честный воин. Не только храбрый и добрый человек. На моих глазах он двадцать лет проработал в милиции. И на фронте. И всегда был настоящим рыцарем...

Степка молчал. Трудно было не согласиться – такой человек на виду как в стеклянной будке. Зато Сур очнулся от своего отчаяния и продолжал говорить:

– Мы потеряли много времени... Необходим врач. Кто позвонит в «Скорую помощь»? Ты, Лешик? Придержите дверь. – Он осторожно поднял бластер и перенес в шкаф. Запер на два оборота. – Ах, Остапович!.. Ах, Остапович!.. Лучше бы... – Он осекся.

Я знал почему. Он сто раз дал бы себя сжечь этим бластером, лишь бы не стрелять в друга. Он выстрелил, спасая нас.

И, посмотрев на нас, он подобрался, тряхнул головой, стал по виду прежним, даже погладил Верку, как всегда, от носа к затылку.

– Да, тяжелое положение... В скорую нельзя обращаться. Степа, Алеша! Загляните в четвертый подъезд, квартира шестьдесят один. Доктор Анна Георгиевна... Пригласите ее сюда. Что сказать? У нас раненый.

Мы побежали. Степка на ходу сказал:

– Правильный приказ.

– Почему? – спросил я.

Он ответил:

– А вдруг эти уже на скорую пробрались?

– Кто – эти?

– С бластерами.

– А зачем им пробираться?

Степка только свистнул. Тогда я возразил:

– Доктор Анна Георгиевна тоже могла пробраться.

– Чудной... – пропыхтел Степка. – Она же пенсионерка, дома принимает. Видишь табличку?

Я видел. Квартира 61, медная яркая табличка: «Доктор А. Е. Владимирская».

Степан позвонил и вдруг сказал свистящим шепотом:

– Он меня было... того. Рубченко ваш...

– Он же не в тебя стрелял – в Сура!

– Да нет, – прошептал Степка. – Не из бластера. Он так... Глазами, что ли. Я будто помер на полсекунды.

– Ой, а меня... – заторопился я, но тут дверь отворилась, и из темной прихожей спросили:

– Ко мне?

Я ответил, что к доктору и что в тире лежит раненый.

– Сейчас, ждите здесь, – сказал голос, как мне показалось, мужской.

В прихожей зажегся свет. Мы вошли, но там уже никого не оказалось. Будто с нами разговаривали здоровенные часы, которые стучали напротив двери. Потрясающие часы! Выше моего роста, с тремя гириями, начищенными ярче дверной таблички. Часы тут же проиграли мелодию колокольчиками и стали бить густым тройным звоном – одиннадцать часов. Я охнул, потому что все началось ровно в половине девятого, всего два с половиной часа назад. В школе прошло три урока – и столько всего сразу! И Верка еще. А Верка очень нежный и доверчивый. Позавчера подошел к милиционеру и спросил: «Дядь, почему вам не дают драчных дубинок?..» Зазвенело стекло. Кто-то запричитал тонким, старушечьим голосом. Резко распахнув дверь, в прихожую выскочила женщина в белом халате, с чемоданчиком, совершенно седая. Она стремительно оглядела нас синими эмалевыми глазами. Спросила басом:

– Раненый в тире? – и уже была на лестнице.

А мы едва поспевали за ней. Вот так пенсионерка! Из квартиры пищали: «Егоровна!» – она молча неслась вниз по лестнице, потом по дорожке вдоль дома и по четырем ступенькам в подвал. Степка забежал вперед, распахнул дверь и повел докторшу по коридору в кладовую.

Доктор Анна Егоровна

Сурен Давидович был в кладовой наедине с Рубченко. Стоял, прислонившись к шкафу, и хрипел астматолом. Когда мы вошли, он поклонился и проговорил:

– Здравствуйте, Анна Георгиевна. Вот... – Он показал на койку.

– Вижу. Меня зовут Анна Егоровна... Ого! Детей – за дверь.

– Я расстегнул рубашку, – сказал Сур.

Она достала стетоскоп из чемоданчика. Мы, конечно, остались в комнате, в дальнем углу, под огнетушителями. Анна Егоровна что-то делала со стетоскопом, вздыхала, потом стукнула наконечником и бросила прибор в чемоданчик.

– Давно произошел несчастный случай?

Сур сказал медленно:

– Убийство произошло двадцать минут назад.

Анна Егоровна опять сказала: «Ого!» – и быстро, пристально посмотрела на Сурена Давидовича. На нас. Опять на Сура.

– Что здесь делают дети?

Степка шагнул вперед:

– Мы свидетели.

Она хотела сказать: «Я не милиция, мне свидетели не нужны». У нее все было написано на лице: удивление перед такой странной историей и от почти прямого признания Сура. Мы тоже показались ей не совсем обычными свидетелями. Она сказала:

– Моя помощь здесь не требуется. Смерть наступила мгновенно. – И повернулась к двери.

Но Сур сказал:

– Анна Георгиевна...

– Меня зовут Анна Егоровна.

– Прошу прощения. Я буду вам крайне благодарен, если вы согласитесь нас выслушать. Слово офицера, вам нечего бояться.

Как она вскинула голову! Действительно: «Ого!» Она была бесстрашная тетка, не хуже нашего Степана. Она уже успела крепко загореть и выглядела просто здорово: круглое коричневое лицо, белые волосы, крахмальный халат и круглые ярко-синие глаза.

– Слушаю вас, – сказала Анна Егоровна.

– Я прошу разрешения прежде задать вам два вопроса.

Она кивнула не сводя с него глаз.

– Первый вопрос: вы ученый-врач?

– Я доктор медицинских наук. Что еще?

– Когда вы последний раз выходили из дому?

– Вчера в три часа пополудни. – Ее бас стал угрожающим. – Чему я обязана этим допросом?

Сур прижал руки к сердцу так похоже на тех, что мы вздрогнули. Но это был его обычный жест благодарности.

– Доктор, Анна... Егоровна, сейчас вы всё-всё поймете! Очень вас прошу, присядьте. Прошу. Сегодня в восемь часов утра...

Сурен Давидович рассказывал совсем не так, как я. Без подробностей. Одни факты: заведующий почтой, старший телеграфист, поездка на такси, оба разговора Феди-гитариста с шофером, история с конфетами, потом капитан Рубченко.

О выстреле он рассказал так:

– Эта история была сообщена Павлу Остаповичу не вся целиком. Он остановил Алешу... Когда, Лешик?

– Когда пень грузили в такси, – поспешно подсказал я.

– Да, в такси. Павел Остапович начал расспрашивать второго мальчика...

– Вот этого, – сказала Анна Егоровна.

– Да, этого, Степу. Он сообщил, что пень доставили во двор милиции.

– И почты...

– Да. В этот момент я разрешил себе восклицание, не относящееся к делу. Павел Остапович меня осадил. Меня это крайне удивило. Мы с ним дружили почти тридцать лет... – Он закашлялся.

Докторша смотрела на него ледяными глазами.

– Да, тридцать лет! Мальчики об этом знают. И Степка в эту секунду сорвался и заявил, что капитан Рубченко тоже хватался за сердце, стоя перед пеньком.

– Вот как... – сказала Анна Егоровна.

– Павел Остапович не возразил. Напротив, он начал поспешно извлекать из-под пиджака некий предмет, подвешенный на шнурке под мышкой. Не пистолет, Анна Егоровна. Пистолет, подвешенный таким образом, стреляет мгновенно. Этот же предмет... Я вам его покажу.

Шкаф отворился с привычным милым звоном. Степка пробормотал: «Дьявольщина!» Вот он, бластер... Не приснился, значит.

– Этот предмет, доктор, он висел на этом шнурке, видите? Прошу вас посмотреть, не касаясь его.

– Странная штука.

– Именно так, доктор. Она висела на петле-удавке, никаких антабок не имеется. Висела неудобно. Ему пришлось извлекать этот предмет три-четыре секунды.

– Вы настолько точно заметили время?

– Я кадровый военный. Это мой круг специфических навыков.

Она кивнула очень неодобрительно.

– Вы понимаете, Анна Егоровна, я следил за Остаповичем с большим интересом. Предмет не походил на оружие, и я подумал о каком-то вещественном доказательстве, с которым хотят нас ознакомить. Но... смотрите сюда. С конца предмета сорвалось пламя, пролетело рядом с моей головой... Я сидел вот так – видите? Отверстие в бетонной стене он прожег за долю секунды. А дети? Здесь были дети, понимаете?

– Скорее ниша, чем отверстие, – задумчиво сказала докторша. – Покажите ваше левое ухо... М-да, ожог второй степени. Больно?

– Какая чепуха! – крикнул Сур. – «Больно»! Вот где боль! – кричал он, показывая на мертвого. И снова осекся.

Помолчали. Теперь Анна Егоровна должна была спросить, почему Сур беседовал с Рубченко, держа в руках винтовку. Или просто: «Чем я могу помочь, я ничего не видела». Она сказала вместо этого:

– Я обработаю ваше ухо. Поверните голову.

– Вы мне не верите, – сказал Сур.

– Разве это меняет дело?

– Доктор! – сказал Сур. – Если бы речь шла о шайке бандитов...

– М-да... О чем же идет речь? – Она бинтовала его голову.

– До сегодняшнего дня я думал, что подобного оружия на Земле нет. На всей Земле.

– Вы бредите, кадровый военный, – сказала докторша. – Лазерных скальпелей не достанешь – что верно, то верно. Погодите... Вы серьезно так думаете?

– Эх, доктор... – сказал Сур. – Лешик, открой дверь. Смотрите осторожно, из-за косяков. И вы, доктор, выйдите. Смотрите из коридора.

Он прижался вплотную к стене, оттолкнул ногой дверь и сказал: «Стреляю...» Мы услышали – ш-ших-х! – и стенка над шкафом вспучилась и брызнула огненными шариками, как электросварка. Сурен Давидович, с черным, страшным лицом, в белом шлеме повязки, вывернулся из-за косяка.

– Входите. Этой штукой, доктор, можно за пять минут сжечь наш город дотла. Может быть, люди с таким оружием уже захватили почту, милицию, телеграф... Вы понимаете, о чем я говорю?

Что видел Степка

Тело Павла Остаповича покрыли простыней. Нам обоим докторша дала по успокоительной таблетке. Мы устроили военный совет. Первым выступил Степка. Его приключения начались у кондитерского магазина, где водитель покупал конфеты, а Федя охранял свой ценный груз. Степка всю дорогу сидел в правом переднем углу кузова. Пень лежал у левого борта, на мягких веревках для привязывания мебели. А едва машина остановилась у кондитерской, Федя-гитарист выскочил из кабины и сунулся в кузов.

Степка успел забраться под скамью – знаете, такие решетчатые скамьи вдоль бортов. Втиснулся и загородился свернутым брезентом и оттуда выглядывал, как суслик из норы. Федя же осмотрел «посредник» и принялся его поглаживать. «Дьяволыщина! – рассказывал Степка. – Я даже поверил, что чурбак живой. Курица так с яйцом не носится. Ну, потом шофер

принес конфеты и сказал, что оставшиеся два квартала будет ехать медленно, чтобы Федя успел подготовить хотя бы дюжину-другую. И они поехали медленно».

Степка не рискнул посмотреть в окошечко, что они там делают, в кабине. Он выбрался из укрытия и, когда машина въехала под арку, метнулся к заднему борту и прыгнул. Такси проехало в глубину двора – Степка шел следом – и развернулось таким образом, что задний борт встал напротив одного из сараев. Гитарист тут же вылез, забрался в кузов. А шофер прямо направился к водителю милицейской «Волги», которая стояла чуть поодаль. Водители поговорили, подошли к заднему борту такси и заглянули внутрь. И тут, как выразился Степка, «началась самая настоящая дьяволящина».

Сержант с милицейской машины был здоровенным парнем, еще крепче таксиста. Он посмотрел в кузов, крикнул, схватился за сердце и стал падать. Шофер Жолнин не смог его удержать, такого здоровяка, и он ударился о борт машины, разбил губы до крови. Киселев из машины схватил его за волосы, тряхнул. Тогда он пробормотал: «Это красивая местность», на что Жолнин ответил: «Вижу, всё в порядке» – и стал утирать ему лицо носовым платком. Причем сержант очень сердился и плевался кровью. Жолнин что-то ему сказал на ухо. Держа платок у лица, сержант ушел в милицию, вернулся с ключом от сарая и вложил его в висячий замок. Другой милиционер – старшина Потапов, мы его знали, – спросил, за каким шутком он лезет в сарай и что у него с физиономией. Сержант ответил: «Мебель из ремонта привезли». – «Нет у отдела мебели в ремонте», – сказал Потапов и, естественно, заглянул в кузов машины. Ну опять хватание за сердце и «красивая местность», и буквально через полминуты старшина Потапов вместе с Киселевым и сержантом выволакивали из машины этот пень... Вот дьяволящина! Они поставили пень сразу за дверью, и Степка было заликовал, что сможет все видеть, да рано обрадовался – они повозились в сарае и расчистили от старья небольшую площадку в глубине. Они работали как одержимые, а устроив «посредник», стали водить к нему разных людей. Степка поместился на пустых ящиках и коробках, сваленных у заднего входа в универмаг, и, хотя не мог видеть «посредник», отмечал всех людей, которые приходили в сарай. Вот список. Продавщиц универмага – пятеро. Первой была, конечно, Нелла, и привел ее Федя-гитарист, а остальные приводили друг друга, по цепочке. Из милиции побывало восемь человек, с почты и телеграфа – шестеро. Других людей, которых Степка не знал, двадцать три человека. Да, еще две продавщицы газированной воды. Они шли и шли, эти люди, пока Степан не сбился со счета. Побывавшие у «посредника» уже вели себя во дворе как хозяева. Степку шуганули с ящиков, у сарая поставили милиционера. Тогда Степка догадался забежать в соседний двор и стал искать дырку в задней стене. Повезло! Сарай был щелястый. Широкая щель нашлась рядом с «посредником».

Степка сменил позицию как раз тогда, когда я в тире рассказывал Суру об утренних чудесах. Вот почему я это понял: первыми Степан увидел в сарае начальника почты и Вячеслава Борисовича, научного сотрудника с телескопа. Вячеслав Борисович сердился и говорил раздраженно-вежливо:

– Не заходит ли шутка слишком далеко? Звонят о письме, потом говорят: ошибка... Почему вы храните мою посылку в этом бедламе?

– Исключительно для скорости, товарищ Портнов... (Они подходили к «посреднику».) Не споткнитесь... Сейчас подъедет ваш водитель...

Готово! Он схватился за сердце, бедный веселый человек. Постоял, как будто размышляя о чем-то, и спросил:

– Это красивая местность? Нелепо...

– Что делать, – сказал почтарь. – Вот и автобус.

– Где Угол третий?

– Ты прошел мимо него – гитарист Федор Киселев.

– А, удачно! Зову водителя. Связью снабдит Киселев?

Почтарь кивнул. Вячеслав Борисович вышел и вернулся с водителем автобуса...

Степка говорит, что Вячеслав Борисович оставался на вид таким же веселым и обаятельным, а остальные обращались с ним почтительно и звали его «Угол одиннадцать».

Да, Степке было о чем рассказать! Одним из последних явился Павел Остапович Рубченко. Он говорил сердитым начальственным басом:

– Отлучиться нельзя на полчаса! Паноптикум! Что здесь творится, товарищ дежурный?

– Чудо природы, товарищ капитан! – отрапортовал дежурный. – Вот, у задней стенки!

Капитан шагнул вперед, присматриваясь в полутьме... Ну и ясно, чем это кончилось. Правда, он тоже показал свой характер. Не произнеся еще пароля, распорядился поставить охрану у задней стенки сарая, снаружи:

– Весь состав прошел обработку? Хорошо. Потапова нарядите, с оружием!

Дежурный сказал:

– Есть поставить Потапова.

И они вышли.

Степану приходилось снова менять место. Он вспомнил, что окна лестничных площадок над универмагом выходят в этот двор, и побежал туда и еще добрых полчаса смотрел. С трех наблюдательных позиций он насчитал примерно пятьдесят человек, приходивших в сарай, кроме тех, кто являлся по второму разу как провожатый. С нового поста было видно, как Киселев распоряжается у сарая и каждому выходящему что-то сует в руку. Потом он ушел. Да, в самом начале милицейский газик укатил и вернулся через сорок минут. Сержант привез тяжелый рюкзак, затащил его в сарай. За ним поспешили несколько человек, видимо дожидавшиеся этого момента. Степка заметил, что они теперь выносили из сарая небольшие предметы – кто в кармане, кто за пазухой. Среди них был и Вячеслав Борисович. А детей в сарай не пускали.

Снова капитан Рубченко

Пока Степан рассказывал, я только кряхтел от зависти и досады. Как я не догадался пройти на почту через двор, уму непостижимо! В двух шагах был от Степки, понимаете?

Анна Егоровна слушала и все чаще вытягивала из кармана папиросы, но каждый раз смотрела на Сура и не закуривала. Сур исписал второй лист в блокноте. Когда Степка закончил словами: «Я подумал, что вы с Алехой беспокоитесь, и побежал сюда», Анна Егоровна вынула папиросу. Сур сказал:

– Прошу вас, не стесняйтесь, Анна Егоровна.

Она жадно схватила папиросу губами, Сур чиркнул спичку.

– Литром дыма больше, литром меньше, – сказал Сур.

– Пожалуй, такого не придумаешь, – сказала Анна Егоровна. – Еловое полено!.. Покажите ваши записи, пожалуйста... Так, так... Киселев устойчиво именуется Третьим углом. Хорошенький уголочек! Он руководит, он же обеспечивает связь... Складывается довольно стройная картина.

– Какая? – живо спросил Сур.

– Гипноз. Пень, который они называли «посредником», маскирует гипнотизирующий прибор. Жуткая штука! Но кое-что выпадает из картины. Дважды гипнотизировал сам Киселев, и вот этот вот разговор: «Развезем коробки по всем объектам».

– Вижу, – сказал Сур. – Коробки эти мог потом уже привезти в рюкзаке сержант. Осмелюсь вас перебить, Анна Егоровна. Картина может быть та или иная, дело все равно дрянь. Время идет. Первая задача – известить райцентр. Как быть с ним, ваше мнение? – Сур показал на койку.

– Сейчас надо заботиться о живых, – сказала Анна Егоровна. – Правильно. Необходимо ехать в район. – Она повернулась к Степке: – Горсоветовских работников ты знаешь в лицо? Некоторых... Они приходили в сарай? Нет? Впрочем, все течет, могли и побывать покамест.

– Телефон и телеграф исключаются, – сказал Сур.

Она кивнула, сморщив лицо. Теперь было видно, что она уже старая.

– У меня машина. «Москвич». До райцентра-то пустяк ехать, два часа, но кто знает положение на дорогах? Ах, негодяи! – сказала она и ударила по столу. – Знать бы, какую пакость они затеяли!

Степка сказал:

– Может, все-таки шпионы?

Сур промолчал, но докторша презрительно махнула рукой:

– В Тугарине шпионы? Брось это, следопыт... Секрет приготовления кефира и реле зажигания для «Запорожцев»! Брось... У меня такое вертится в голове... – отнеслась она к Суру, но Степан не унимался.

– Дьявольщина? – спросил он.

Докторша серьезно ответила:

– Это бы полбеда, потому что черти – простые существа. Их обыкновенным крестным знамением можно спровадить. Как действует это оружие?

– Что такое «крестное знамение»? – спросил Степка шепотом.

Я ответил, что не знаю, а Сур в это время говорил, что не может судить об этом оружии – о бластере то есть, – так как за долю секунды, пока оно работало, ничего нельзя было понять.

– В конце концов неважно, как оно действует, – сказала Анна Егоровна. – Мне что важно: форма очень уж странная. Смоделировано отнюдь не под человеческую кисть. Простая палка. Ни ручки, ни приклада... Антабок этих ваших нету, придела.

– Анна Егоровна, – сказал Сур, – именно на эти странности я вам и указывал в начале разговора.

– Вы думаете... – сказала она.

Сур кивнул несколько раз. Теперь я не выдержал и влез в разговор:

– Марсианское оружие бластер! Видели, как пыхнуло? Аннигиляционный разряд – вот что!

– Ну, пусть марсианское, – сказала она. – Я не люблю оружия, следопыты. Слишком хорошо знаю, как плохо оно соотносится с человеческим организмом. Товарищ Габриэлян, я хотела бы забрать этот властер с собой, в район. Для убедительности. Да и одного из мальчиков. Лучше этого. – Она показала на меня. – Второй пригодится здесь, вы совсем задыхаетесь. Властер придумали!..

– Бластер, – поправил я.

– Бластер, властер... – проворчала Анна Егоровна. – Пакость! Что-то у меня было противостоиматическое, для инъекций...

Она нагнулась к своему чемоданчику, откинула крышку.

Сур рассматривал бластер, направив его кристалл в потолок. Вдруг докторша тихо проговорила: «Ого!», очутилась около Рубченко, тронула его веко и молниеносно нагнулась к груди. Мы вскочили. Анна Егоровна тоже встала. Лицо у нее было красное, а глаза сузились. Она сказала:

– Сердце бьется нормально. Он ожил.

Ну, это было чересчур... Ожил! Степа и тот попятился в угол, а у Сурена Давидовича начался сердечный приступ. Анна Егоровна «вкатил» ему слоновую дозу анальгина, потом занялась «бывшим покойником» – это все ее выражения, конечно. Движения у нее стали быстрые, злые, а голос совершенно хриплый и басистый. Раз-раз! – она выслушивала, выстукивала, измеряла, а бедный Сур смотрел изумленно-радостными глазами из-под бинтов. Вот уж было

зрелище! А время только подбиралось к двенадцати, понимаете? За четыре часа разных событий накопилось больше, чем за двадцать шесть лет – сколько мы со Степаном вдвоем всего прожили. Едва Сур немного оправился, докторша приказала запаковать бластер для дороги. Я принес из мастерской футляр для чертежей, забытый кем-то из студентов, – коричневая труба такая разъемная и с ручкой сбоку. Сур обмотал бластер ветошью, опустил его в трубу, плотно набил ветошью, как пыж, поверх бластера и закрыл крышку. Она была свободная – Сур подмотал лист бумаги. Мы помогали. Докторша в это время еще возилась с Павлом Остаповичем. Ему тоже забинтовала голову, бинтов пошло меньше, чем на голову Сурена Давидовича. Оказывается, ухо забинтовать труднее, чем лоб с затылком.

– Ну, я готова, – сказала Анна Егоровна. – Раненому ухода не требуется. – Она посмотрела на Степкино лицо и пробасила: – Дьяволыщина! На выходном отверстии уже соединительная ткань.

Для нас это была китайская грамота. Сур спросил:

– Доктор, вы не ошибались, когда установили... гм...

– Смерть? Голубчик, это входит в мой круг специфических навыков. – Она язвительно ухмыльнулась. – Но предположим, я ошибалась. Бывает. А вот чего не бывает: за сорок минут, прошедших от одного осмотра до другого, свежая рана приобрела вид заживающей, трехдневной давности. Поняли?

– Нет, – сказал Сурен Давидович.

– Признаюсь, и для меня сие непонятно. Да, вот еще, посмотрите...

Мы придвинули головы. На клочке марли докторша держала овальный кусочек такого же материала, из которого был сделан бластер. Серый с зеленым отливом или зеленый с серым – он все время менялся и был похож на травяного слизняка.

– Это было прикреплено к твердому небу раненого, вдоль.

– Как прикреплено? Боже мой... – простонал Сур.

– На присоске. У вас найдется коробочка?

Степка нырнул под стол, выудил пустую коробочку из-под мелкокалиберных патронов. «Слизняк», положенный на дно, сразу прихватился к нему – прилип.

– Оп-ля! – сказала Анна Егоровна. – Класть в вату не требуется. Прячь в карман, Алеша. Через пять минут я подгоню машину.

Я спрятал «слизняк» в карман. Докторша пожала руку Сурену Давидовичу:

– Ну, держитесь. Учтите, спустя полчаса он может и подняться. Честь имею...

– Какая женщина! – потрясенно сказал Сур. – Гвардейцы, вы познакомились с русской Жанной д'Арк!

В этот момент на меня накатило. Если с вами не случается, так вы и не поймете, как накатывает страх в самое неподходящее и неожиданное время. До пятидесяти пяти минут двенадцатого я не боялся, а тут меня затошнило даже. Мы со Степаном привыкли всегда быть вместе. И вдруг – уезжать. Я сказал:

– Не поеду никуда.

– Вот еще какой! – сказал Степка.

– Почему я должен ехать? Я останусь с Суреном Давидовичем!

– Ты лучше расскажешь, у тебя язык хорошо подвешен, – уговаривал Сур.

– У всех подвешен! – отругивался я. – Не поеду!

– Боевой приказ, – сказал Сур. – Выполняй без рассуждений.

Я вздрогнул. У моей ноги заговорил очень тихий, очень отчетливый голосок: «Пятиугольник двести! Вернись к „посреднику“». Пауза. Потом снова: «Пятиугольник двести! Вернись к „посреднику“».

Степка зашипел:

– Рация. Понял? Федька с поляны докладывал. Понял? Опять геометрия – пятиугольники!

Я выудил эту штуку из кармана. Она пищала: «Пятиугольник двести, отвечай». И сейчас же на полтона ниже: «Пятиугольник, говорит Угол третий. Я иду к тебе».

– Киселев, – с тоской произнес Сур. – Ну ладно, Киселев...

Его обмякшая фигура вдруг распрямилась. Он выдернул из шкафа боевой пистолет Макарова, сунул за пазуху, запер шкаф, оттиснул печать на дверце, ключи бросил Степке, выхватил у меня «слизняк» и переложил его в железную коробочку из-под печати, сунул ее в мой нагрудный карманчик и рявкнул еще неслышанным нами голосом:

– Алексей! Бегом! Перехвати доктора у гаража, сюда не возвращаться! Степан! Наблюдать снаружи, не вязаться! Марш!

Он, задыхаясь, протащил нас по коридору, выкинул наружу и захлопнул дверь. У меня в руках был бластер в чехле для чертежей.

Я «инфекционный больной»

– Ну, выполняй приказ! – выговорил Степка, сильно морща нос и губы. – Выполняй!

– А ты?

Он выругался и побежал. Шагах в двадцати он обернулся, крикнул: «Иди!» – и побежал дальше. Я понял, куда он бежит, – к пустой голубятне посреди двора. Я, кажется, заревел. К гаражам явился с мокрой физиономией – это я помню. Из третьего или четвертого кирпичного гаражика выползал серый «Москвич», мирно попыхивая мотором. Анна Егоровна, как была в халате, сидела за рулем. Она открыла правую заднюю дверцу, и я влез в машину.

– Вытри лицо, – сказала докторша.

Я полез в карман за платком.

– погоди, Алеша. Знаешь, не вытирай. Так будет лучше.

Я не понял ее. Тогда она объяснила:

– Видишь, я в халате? Везу тебя в районную больницу. У тебя сильно болит под ложечкой и вот здесь, запомни. Ложись на заднем сиденье, мое пальто подложи под голову... погоди! Это спрячь под мое сиденье.

Я положил бластер под сиденье и лег. Наверно, у меня был подходящий вид для больного – докторша одобрительно кивнула.

– Больше ничего не произошло, Алеша?

– Произошло. Киселев идет к Рубченко на выручку.

– Ты видел его?

– Нет. Маленькая штука заговорила...

– Понятно, – перебила Анна Егоровна. – Держись.

Мы поехали. От гаражей сразу налево, пробираясь по западной окраине, в обход города. Так было немного ближе, и дорога ничуть не хуже, чем мостовая на улице Ленина, и все-таки я знал: мы нарочно объезжаем город. «Лежи, друг, лежи», – приговаривала Анна Егоровна. За последним домом она поехала напрямик, по едва просохшей строительной дороге, чтобы миновать пригородный участок шоссе. Потом сказала: «Садись». Я сел и посмотрел в заднее окно. Город был уже далеко. Окна домов не различались, крошечные дымки висели над красным кубиком молокозавода.

– В сумке еда, – сказала докторша не оборачиваясь. – Поешь.

– Не хочется, спасибо.

– Откуси первый кусок – захочется.

Я послушался, но без толку. Еле прожевал бутерброд, закрыл сумку. И трясло здорово – она так гнала машину, что ветер грохотал по крыше.

- А гараж вы нарочно оставили открытым? – спросил я.
- А наплевать! Ты смотри, чтобы твой властер не шарахнул из-под сиденья.
- Нет, Сур его хорошо запаковал. Маленькую штуку тоже – в стальную коробочку.
- Чтобы не разговаривала? Догадлив твой Сур... Как его звать по-настоящему?

Я сказал.

– Армяне – хороший народ... Но подумай – никого не обгоняем, уже восемь километров проехали!

Я возразил, что обгоняли многих. Анна Егоровна объяснила, что все эти грузовики идут по окрестным деревням, а в райцентр или на железную дорогу никто не едет. Откуда она знает? Водительский глаз. Она тридцать лет ездит, с войны.

Так мы разговаривали, и вдруг она сказала:

- Ложись и закрой глаза. Дыши ртом, глаза не открывай. Приехали, кажется...
- Глаза для чего?
- Для больного вида.

«Уй-ди, ох, уй-ди...» – выговаривал гудок. Потом провизжали тормоза, и Анна Егоровна крикнула:

- Попутных не беру – инфекционный больной!

Ответил мужской голос:

- Проезд закрыт. На дороге авария.
- Я объеду. Ребенок в тяжелом состоянии.
- Проезд закрыт до семнадцати часов.

Вмешался второй мужской голос:

– Извините, доктор, – служба. Мы бы с милым сердцем пропустили, так начальство нас не помилует...

Первый голос:

– Что разговаривать, возвращайтесь! В Тугарине хорошая больница. Пока проговорите, мальчишка и помрет.

Анна Егоровна:

- Покажите ваше удостоверение, сержант. Я должна знать, на кого жаловаться в область.

Второй голос:

- Пожалуйста, пожалуйста! Мы бы с милым сердцем!

Новый мужской голос:

– Доктор, не подхватите до города? Они меня задержали, и мое моточудо испортилось от злости.

– Не могу, голубчик... – флегматично проговорил бас Анны Егоровны. – У меня больной. Жиклер продуйте... Сержант, гарантирую вам взыскание.

Кто-то отошел от нашего «Москвича» – стало светлее. Тогда третий голос зашептал:

– Доктор, я знаю объезд через Березовое... В район требуется, хоть вешайся... Возьмите, я иммунный.

- А машину бросите?

- Жениться еду, не до машины. Отбуксируют эти же, я им трояк дам! – торопился голос.

- В детстве чем болели? – спросила Анна Егоровна.

(Я чуть не прыснул.)

- Свинкой, ветрянкой, этой... коклюшем...

– Договаривайтесь о машине, только быстро! – И после паузы: – Алеша, ты лежи. Если я чихну, начинай стонать... Давайте, давайте!

Передняя дверца хлопнула, солнце с моих ног перебралось на голову – мы ехали обратно.

- Что с мальчиком? – спросил новый попутчик.

- Свинка, – отрезала докторша.

– Ай-яй-яй... Очень плох?

Она промолчала. Потом спросила:

– Поворачивать на Березовое, говорите? Там бревно, шлагбаум.

– Объедем, ничего. Отличный грунт. Я на рыбалку там проезжал две тысячи раз. Или чуть поменьше.

– Резвитесь, жених?

– Мое дело жениховское, доктор. Почти молодожен.

– Значит, объезд через Березовое тоже запрещен? И там авария?

– Это почему? – спросил попутчик.

– Не знаю. Вы-то не сказали при милиции об этом варианте. В город просились...

Молчание. Я осторожно приоткрыл глаз и увидел, что попутчик внимательно смотрит на докторшу. У него был вздернутый нос и рыжие ресницы.

– Вот и бревно, – сказала она. – А вы для жениха не староваты, юноша?

Тогда он выпалил:

– Ох, доктор! В Тугарине творится неладное.

Машина остановилась. Нас обогнал грузовик. Анна Егоровна прищурилась на попутчика.

– У вас ангина, – сказала она. – Господи, где моя зажигалка?

– Доктор! – застонал попутчик. – Какая ангина?

– Покажите горло... Ну? (Он испуганно открыл рот.) Хорошо. Алеша, ты можешь сесть. Мы едем на Березовое. Что вы заметили неладного в городе?.. Осторожно, ухаб... И как ваше имя-отчество?

Понимаете, дядька тоже ехал в район, чтобы поднять тревогу. Он знал чепуху: что телефон междугородный не работает, автобусы отменены до семнадцати часов и что заводу тракторного оборудования запретили отправлять продукцию на железную дорогу – ближняя станция тоже в райцентре. Он говорил, путаясь от волнения:

– Я мальчуганом оставался в оккупации, под фрицами. Вы небось военврач. Майор медицинской службы? Ну, вы страха не знали...

– Как сказать...

– Извиняюсь, конечно, – поспешно сказал попутчик. – Вы того страха не знаете. Словно бы воздух провонял – отовсюду страшно. От приказов страшно, от всего... И сейчас завоняло. Кто же тут виноват? – Он испуганно смотрел на Анну Егоровну. – Авария – это действительно. Сорвало мост, – конечно, столбы повалило... – Он вертелся на сиденье, глядя то на меня, то на докторшу. – И телефон порван. Доктор! – вскрикнул он. – Я вам говорю. Точно! Фактов нет, только воняет. Туда нельзя, сюда...

– Что же вы поехали без фактов?

– С испугу, – жалким голосом признался дядька. – Польза будет, и ноги унесу. Страшно. Меня в гестапо били.

– Вот как, – сказала докторша. – Однако же чутье вас не обмануло. Подчас и с испугу действуют правильно.

– Не обмануло? И факты есть? – вскинулся он. – То-то я смотрю – мальчик и не болен вовсе.

– А вы не смотрите, – сказала докторша.

Я не помню, как звали попутчика – то ли Николаем Ивановичем, то ли Иваном Николаевичем. Мы расстались очень скоро. В Березове, у брода.

Березовский деревянный мост сгорел незадолго перед нашим приездом – сваи еще дымились. Шипели уголья, падая в воду. Откос перед радиатором машины застилало дымом.

– Чистая работа, – сказала Анна Егоровна. – Парома здесь не держат?

Мальчишки завопили, набегая на машину:

– Тетенька, за старицей брод! Хороший, грузовики перебираются!

Один, маленький, прошепелявил:

– Овцы тоже перебираются.

Другой малыш развесил губы сковородником, заревел и припустил наутек – испугался белого халата. Попутчик сказал:

– Правильно, хороший брод! В малую воду тормоза будут сухие.

– Едем. – Она тронула машину в объезд старицы.

Я тоже знал эти места – чуть выше по реке водились крупные раки. До города отсюда не больше пяти километров, и с высокого старого берега можно было рассмотреть телескоп. Я с самого начала не хотел уезжать, и теперь, когда мы начали крутиться, не удаляясь от города, мне стало паршиво. Пускай теперь рыжий трус изображает больного! И я страшно обрадовался, когда Анна Егоровна спросила:

– Отправить тебя домой, Алексей?

Она курила и хмуро посматривала на темный склон противоположного берега. Лучшего места для засады нельзя придумать: мы внизу, освещены солнцем – бей как куропаток...

– Я постою тут, пока вы переезжаете, – сказал я. – Не заблужусь, отсюда телескоп виден.

– Виден, да по дороге все надежнее, – сказала она. – Возьми сверток с бутербродами, коробочку давай сюда.

Я отдал коробочку со «слизняком», взял ненужные бутерброды, открыл дверцу и зацепился ногой за футляр с бластером. «Зачем мне эти бутерброды?» – подумал я и покосился на Анну Егоровну. Она что-то регулировала на приборном щитке. Я зацепил футляр носком ботинка, выкинул в траву, вылез и захлопнул дверцу. Попутчик в подвернутых брюках уже шлепал по воде – он пойдет впереди машины.

– Счастливо, мой мальчик...

Серый «Москвич» осторожно пополз в воду, заблестели мокрые колеса, а я стоял на берегу и смотрел, пока машина, забирая влево, не перевалила через гребень высокого берега. Мелькнул белый рукав, хлопнула дверца, и остался только запах бензина. Тогда я поднял футляр с бластером и напрямик, через холмы, побежал в город.

Черная «Волга»

Отличный, солнечный был день. Тихий, по-весеннему жаркий. Над березовыми перелесками кричали кукушки, в овраге пели зяблики. Штук двадцать, не меньше – столько зябликов сразу я сроду не слыхивал. Перелески светились насквозь: между березовыми стволами зелены сверкали, как спинка зимородка. А я мчался как мотоцикл, волоча бластер и пакет с бутербродами. Холм с телескопом служил мне ориентиром, я держал его справа, почти под прямым углом к своему направлению. Понимаете, я мог выбрать дорогу намного короче, прямо к восточной части Тугарина, через совхозную усадьбу. Идти через усадьбу не хотелось, и я знал почему. В совхозном клубе, что в центре усадьбы, вчера выступал Федя-гитарист.

На бегу я думал о трусах. Рыжий попутчик – несомненный трус. У них всегда чутье на опасность, как у Кольки Берсенева из нашего класса. Едва запахнет дракой, он исчезает. Он как барометр. Если он исчез из компании, то наверняка жди неприятностей – подеремся, либо из кино выведут, либо затеем на овраге слалом и переломаем лыжи... Ладно. Трусы есть трусы. Этот, по крайней мере, побежал в верном направлении.

Я не задумывался, правильно ли было – воровать бластер у Анны Егоровны. Гордясь своей храбростью, топал по тропинкам, надеясь сегодня же пустить бластер в дело, и неожиданно выскочил на шоссе рядом с памятным местом. Метрах в тридцати справа темнел въезд на ту самую проселочную дорогу, ведущую к поляне «посредника». Очень хотелось отдохнуть, но я побежал дальше – к городу, конечно, инстинктивно держась боковой грунтовой тропки.

Так же инстинктивно остановился за кустарником, когда услышал шум встречной машины. Ф-р-р-р! – черная «Волга» промчалась мимо. И как будто в ней я увидел Сура на заднем сиденье.

Сначала я решил, что обознался. Сурену Давидовичу чистая гибель в такую погоду вылезать из подвала. Он и домой ходит только по ночам, чтобы принять ванну. Из-за проклятой астмы он и в тире стал работать – в сыром подвале ему хорошо дышится. «Их болезнь – наше здоровье», – говорит он о подвале... Нет, в черной «Волге» Сура быть не могло...

Стоп! Киселев, туда собирался Киселев! В подвале железная дверь и на окнах решетки, но ведь Сур сам откроет дверь, не побоится! И я помчался за машиной, вылетел на холм. Так и есть... Пустое шоссе сверкало под солнцем – «Волга» свернула в лесопарк. Они приходили к Суру и увезли его на поляну «посредника» – машине другого пути не было. Или по шоссе прямо, или на ту дорогу, в лесопарк.

И я перепрыгнул через канаву и побежал обратно. И только теперь я догадался бросить докторские бутерброды.

Находка и пропажа

Лес был тих. Здесь, за дорогой, даже синицы молчали. Душный воздух пахнул пылью, которая уже успела лечь на землю после машины. Следы покрышек на мягкой дороге вились узорчатыми змеями. Метрах в ста пятидесяти от шоссе свернули влево. Я удивился: поляна «посредника» была справа. Но машина вилась между деревьями, держась уверенно одного направления. Иногда буксовала, продирая траву до земли... Хлоп! Из-под ног метнулся заяц! Это было здорово. Это было бы здорово, если бы заяц удирал от меня, как полагается. А он, прежде чем скрыться за кустом, остановился и несколько секунд сидел и крутил левым глазом вниз-вверх – рассматривал меня, понимаете?

И тогда я увидел, что «Волга» шла по колее другой машины. Той же ширины колея, но колеса другого рисунка... Я даже попятился и шепотом спросил у зайца: «А твое какое дело?» Получалось, что он показал мне вторые следы: длинные отпечатки его задних лап тянулись аккуратно по следам неизвестной машины.

Это было довольно далеко от дороги. Я стоял и смотрел на следы, когда зафырчал мотор. Я отошел, спрятался за елкой. Черная машина плыла между деревьями навстречу мне. Водитель сидел один и смотрел на дорогу, вытянув шею. Оказывается, обе машины останавливались совсем близко: вот два полукруга следов, где они разворачивались и поехали обратно. А кругом натоптано каблуками – много и разными. И людей не видно. Ни шагов, ни голосов – тихо. И птицы молчали, будто они рыбы, а не птицы.

Я поискал глазами: хоть заяц-то здесь?

Он был здесь. Сидел перед можжевельным кустом, приподняв толстую морду над кучкой хвороста. Когда я топнул на него ботинком, заяц переложил уши и лениво отпрыгнул за куст. Я заставил себя не обращать на него внимания и принялся отыскивать следы Сурена Давидовича.

Прямо передо мной была прошлогодняя тропа к оврагу. Она тускло блестела под густым орешником – еще не просохла. Издали казалось, что после снега по ней не ходили. Я сунулся туда – на обочине следы... В десятке шагов дальше, прямо уже посреди тропы, след левого ботинка Сура. Тупоносый, с рифленой плоской подметкой, так называемая танкетка.

Я почему-то взвесил на руке бластер и двинулся к оврагу.

Теперь послушайте. Я шел по этой тропинке в сотый раз за последние два года и отлично знал, что она выводит к глубокому бочагу в ручье, что на дне оврага. Я ногами – не головой – знал, что от места, где развернулась «Волга», и до оврага метров пятьдесят. Первый поворот, налево, у сухой сосны, а спустя еще двадцать метров, где кончается орешник, второй поворот и сразу спуск в овраг. Так вот, я прошел первый поворот, не теряя следов Сура, но после второго

поворота тропа исчезла. Вместе со следами она словно растворилась в земле, а впереди, взамен обрыва, оказался ровный густой осинник.

Сначала я подумал, что проскочил второй поворот. Вернулся к сухой сосне... Опять то же самое! Миновав орешник, тропа исчезла вместе со следами. Ну ладно. Тропу весной могло смыть. Я двинулся напрямик через осинник и вышел к оврагу, но не к бочагу, а много левее. Странное дело... Я пошел вправо, держась над оврагом, и потерял его. Я даже взвыл – запутался как последний городской пижон! А плутать-то негде, овраг все время был справа от меня. Естественно, я взял еще направо, чтобы вернуться к обрыву, и очутился, знаете где? На том же месте, откуда начинал, – у поворота тропы. Совсем разозлившись, я продрался через кусты вниз по склону и пошел вдоль ручья, еле выдирая ноги из грязи. И через двадцать метров уперся в откос. Овраг, который должен был тянуться еще на километр, внезапно кончился. Чертыхаясь, едва не плача, я выбрался наверх и очутился опять у второго поворота тропы! Поодаль, у куста боярышника, сидел заяц – столбиком – и делал вид, что мои мучения его абсолютно не интересуют...

Я проголодался и устал. Из ботинок текла грязь. Футляр с бластером был весь заляпан. Я никак не мог взять в толк, что происходит, пока мне не пришла в голову одна мысль. Под крышкой футляра была подмотана бумага, а в кармане у меня была Степкина авторучка. Я достал то и другое и нарисовал план местности, как я помнил ее, до всех этих оползней. Вот он, этот план.

Маршрут I – я пошел от крестика, с тропы, прямо я должен был выйти к бочагу, а оказался – видите где? Далеко справа. Маршрут II – от крестика взял левей и оказался слева от бочага. Маршрут III – когда я шел низом, по ручью, натолкнулся на откос и вылез к крестик, хотя воображал, что лезу прямо, никуда не сворачивая. Понимаете? Большого куса оврага – вместе с песчаным бочагом, зарослями малинника, чертовыми пальцами на дне ручья, таволгой, птичьими гнездами, отличным лыжным спуском – не существовало. Часть оврага сгинула, и ничего не оставалось взамен. Как бы вам объяснить? Если вы возьмете простыню и в середине ножницами вырежете дырку, то куса материи не будет. Но останется дырка. Если бы овраг рухнул в одном месте, то оставалось бы что-то вроде дыры. А тут получалось, будто вокруг вырезанного места продернули нитку и затянули ее, так что совсем ничего не оставалось – ни вырезанной материи, ни дырки. Ошалеть можно! Мне казалось, что надо попробовать еще раз, и еще, и еще. Я весь изодрался о кусты и лез к несуществующему бочагу, как черепаха на стену ящика. А заяц мелькал то здесь, то там и нагло усаживался поодаль, когда у меня опускались руки.

Потом он показал мне конфету. Или принес – я так и не знаю до сих пор. Он перепрыгнул дорогу, вскинул морду – одно ухо торчком – и исчез, а в метре от конца тропы, под листом подорожника, блеснула на солнце конфетная бумажка. Та самая, с розовым котом в сапогах-недомерках.

Я поднял кота. В нем было что-то завернуто – не конфета, другой формы... «Слизняк»! Говорящая зеленая штукovina!

Разворачивая ее и рассматривая, я машинально брел вперед. И, подняв глаза, увидел, что стою на пропавшем куске тропы, за вторым поворотом. Подо мною был спуск, истыканный каблуками, слева светился ободранный ствол сухого дерева, за которое все хватаются при подъеме, а внизу, на песке бочага, виднелась свежая тропинка...

Стоп, где же футляр с бластером? Я положил его на землю, когда поднимал «слизняк».

Оглянувшись, я увидел, что сзади нет орешника, из которого я сию секунду выбрался. Что тропа выходит из багульника и он тянется кругом, и за оврагом тоже. Что нет тропы, нет следов и, конечно, нет чехла с бластером.

Я попал внутрь «дыры». Ее края сомкнулись, будто невидимая рука аккуратно и неслышно затянула нитку.

Зона корабля

Честно говоря, мне хотелось удрать. Но я остался. Я не желал бегать кругами, как оса, закрытая в банке от варенья. О том, что говорящая штука служит пропуском и на вход и на выход, я просто не подумал, и вообще не мог же я бросить Сурена Давидовича!

Вот следы его ботинок – редкие и глубокие. Видимо, он сбежал с обрыва. Я, оскальзываясь каблуками, побрел по следам. На середине сухого русла, на мокром темно-рыжем песке, их можно было читать как на бумаге. Следы танкеток Сурена Давидовича и рядом размашистый след узких гладких подошв. Потом еще какие-то следы, очень большие и тупоносые.

Я опустил на палый ствол ивы. По моему колену суетливо пробежал рыжий паучок. Свои глаза он нес отдельно, в целом миллиметре впереди головы. Рядом со мной по откосу ходил круглый солнечный блик – передвигался в листья орешника над головой и опять возвращался к ногам. Я посмотрел вверх. Там не было солнца – странный зеленый туман с желтыми разводами.

Помню, я похлопал глазами, покрутил в пальцах «слизняк», лизнул его и сунул в рот. Я не знал, какое там твердое или мягкое нёбо, и прилепил штуку над серединой языка. Она прилипла и заговорила в тот момент, когда я понял, что круглый луч ищет меня, скрытого за откосом. Я не удивился. Чему уж тут удивляться...

Внутри головы звучал тонкий голос, знакомо растягивающий окончания слов: «Ты включен, назови свое имя». Я потрогал штуковину языком – она смолкла. Отпустил – снова: «Ты включен».

Штуковина пищала голосом Неллы из универмага – выкрутасным и глупо-кокетливым. Я пробормотал:

– Эй, Нелка, это ты? (Знакомая все-таки!) Голос в третий раз спросил о моем имени. По правилам их игры полагалось назвать имя. Ладно. Я наугад сказал: «Треугольник одиннадцать». Голос отвяжется, и я встану. Я все равно поднимусь и отыщу Сура.

– Треугольник одиннадцатый, – кокетливо повторил голос и умолк.

Когда он говорил, во рту становилось щекотно. Я встал и шагнул. Луч качался на моей груди как медаль. Странное сооружение поблескивало верхушкой, держа меня в луче. Оно стояло на дне оврага. Башня, похожая на огромную пробку от графина. Зеленого, тусклого, непрозрачного стекла. В высоту она была метров пять, с широкой плоской подошвой. Шар наверху – аспидно-черный, граненый, как наконечник бластера. Я стал пробираться по оврагу, держась как можно дальше от зеленой башни, и вдруг грани забрызгали огнями по ветвям и траве, по моему лицу. Я ослеп, споткнулся, упал на руки. Свет был страшной силы, почти обжигающий, но в моих глазах, под багровыми пятнами, осталось ощущение, будто я видел у подножия башни человеческую фигуру, полузакрытую ветвями. Не открывая глаз, я пополз через кусты. Если туда пошел Сур, я пойду тоже. Пойду. Пойду...

– Девятиугольник – зоне корабля, – заговорил Нелкин голос. – Позвольте глянуть на детеныша. Везде кругом спокойствие.

Несколько секунд молчания: Нелка выслушивала ответ.

Снова ее голос:

– Девятиугольник идет в зону.

Представляете, я еще удивился, что пришельцы возят с собой детенышей. И позволяют нашим – загипнотизированным, конечно, – смотреть на своих детенышей. Приподнявшись, я осторожно открыл глаза – шар не блестел. Листья рядом с ним были желтые и скрученные. И детеныша я не увидел, но человек, сидящий на плоской опоре корабля, поднял руку и крикнул:

– Алеша, перестань прятаться, иди сюда! Я тебя жду.

Я пошел как во сне, цепляя носками ботинок по песку, глядя, как Сурен Давидович сидит на этой штуковине в своей обычной спокойной позе, и куртка на нем застегнута, как всегда, до горла, на лбу синие точки – следы пороха, а пальцы желтые от астматолла. Я подошел вплотную. Толстый заяц подскакал и сел рядом с Суреном Давидовичем.

Часть вторая. Полдень

Наводчики и «посредники»

Когда Сурен Давидович прогнал нас из подвала, Степка забрался на старую голубятню. Он был в отчаянии: Сурен Давидович остался в тире один – больной, задыхающийся, обожженный. Как он отобьется от Киселева с его бандитами? А Степка мог отстреливаться не хуже взрослого, он из пистолета выбивал на второй разряд. И его выставили!

Степан сидел в пыльном ящике голубятни и кусал ногти. Во дворе, на песчаной куче, играла мелкота. Потом прибежал Верка – только его здесь не хватало... Он удрал от бабушки, из-за стола. Рот весь в яичнице. Степке пришлось посвистеть, и Верка, очень довольный, тоже влез на голубятню. Приближался полдень, ленивый ветер гнал пыль на окна подвала. Там Сур ждал врагов, и под третьим окном от угла лежал на узкой койке Павел Остапович. Глядя на эти мутные, покрытые тусклым слоем пыли, радужные от старости стекла, Степан понял: наступает его главный полдень, о котором говорилось в любимых стихах Сура: «Неправда, будто бы он прожит – наш главный полдень на земле!...»

– Ты на кота похож, – вдруг фыркнул Верка.

– Молчи, несмышлениш! – сказал Степан.

– А дядю Павла уже закопали?

Степка дал ему по загривку.

И тогда в подворотне простучали шаги. Весь в черном, подтянутый, спокойный, Киселев спустился к дверям подвала – ждал, пока откроют. Он даже не оглядывался – стоял и смотрел на дверь. Потом немного наклонился и заговорил в щель у косяка. «Бу-бу-бу...» – донеслось до голубятни. Поговорив, он вынул из кармана плоскую зеленую коробку и приложил к замочной скважине. К ручке двери гитарист не прикасался, ее повернули изнутри: он толкнул дверь коленкой и исчез в темноте коридора. Стрельбы, шума – ничего такого не было. Вошел как к себе домой.

Верка захныкал:

– Я тоже хочу к дяде Сурену!... – Степка пригрозил, что отведет его домой, к бабке.

Это было в двенадцать часов. Тетка с балкона третьего этажа кричала на весь двор: «Леня, Ле-еня, ступай полдникать!» По ней можно часы проверять. Степка раздраженно обернулся на крик. Он знал, что Сурен Давидович не даст гитаристу выстрелить. Даже кашель не помешает Суру выстрелить первым, его знать надо... Но Сур пока не стрелял. А Киселев... Бластер бьет бесшумно. В прямом солнечном свете да еще сквозь стекла вспышки не увидишь...

«Дьявольщина! Что же там происходит? Сур не мог опоздать с выстрелом, – думал Степка. – Он держит Киселева под прицелом, и я как раз нужен – связать или что. А дверь в подвал не заперта. Этот гад не догадался захлопнуть замок».

– А ну вниз, Валерик!

Они слезли. Верке было велено посидеть с малышами – он захныкал. Степка погрозил ему кулаком, проскользнул в прохладный полутемный коридор и сразу услышал из-за перегородки громкий рычащий голос Киселева:

– ...Во-пи-ющая! Отдал ключи и оружие мальчишке – невероятная глупость!

Сурен Давидович спокойно отвечал:

– Угол третий, не увлекайся. Ключи и оружие отдал Габриэлян, а не я.

Дьявольщина! «Габриэлян, а не я»! А он – кто?

Вмешался слабый голос:

– Братья, так ли необходимы эти трещотки? В милиции целый арсенал. И своего оружия хватает... как ты его называешь?

– Бластеры, – сказал Сур. – Мальчики так называют.

– «Мальчики»! – рявкнул Киселев. – Немедленно, немедленно изолировать этих мальчиков! Пятиугольник, ты связался с постом?

– Дорожный пост не отзывается, – доложил слабый голос. – Контроль показывает помехи от автомобильных двигателей. Разъездились...

– Докторша гоняет лихо, – пробормотал Киселев. – Дадим Расчетчику запрос на блюдец. Ты еще не видишь, Пятиугольник?

– Пока еще слепой.

– Ну подождем. Дай запрос на блюдец, – сказал Киселев. – Квадрат сто три! Сейчас же отыщи мальчишку с ключами.

Голос Сурена Давидовича ответил:

– Есть привести мальчишку...

Скрипнул отодвигаемый табурет.

– Так или иначе его необходимо... – заговорил Киселев, но Степка больше не слушал. Вылетел наружу, подхватил Верку и потащил его через улицу, за киоск «Союзпечати». Теперь их сам Шерлок Холмс не увидел бы, а они сквозь стекла могли смотреть во все стороны.

– Валерик, срочный приказ! – выпалил Степка. – Дуй к Малгосе, выпроси ее платье в горошек, синее, скажи – мне нужно. Приказ! И ни слова никому!

Верка так и вытаращился. Степка сказал, чтобы платье завернули получше, завязали веревочкой. Если Малгоси нет дома, пусть Верка ждет ее. Платье притащить на голубятню. И никому, ни под каким видом пусть не говорит, что в свертке и где Степан. Даже дяде Суру.

Верка пропищал: «Есть!» – и убежал. А Сурен Давидович вышел из подвала и скрылся в глубине двора. Постоял чуть-чуть, поправил куртку и ушел.

Вот дьявольщина, он должен бояться Сура! Проклятые гады! Они добрались до Сура, понимаете? Этого нельзя объяснить. Вы не знаете, как мы любили Сура. Теперь Степка за ним следил, а наш Сурен Давидович дружелюбно разговаривал с врагами и сам стал одним из них под кличкой «Квадрат сто три».

– Ну, держись... – пробормотал Степан. Перемахнул через улицу. На бегу бросил связку ключей сквозь решетку в колодец перед заложённым окном подвала. Выглянул из-за трубы и увидел Сурена Давидовича.

А, идешь к голубятне... Знаешь, где искать... Вот он скрылся за нижней дощатой частью голубятни и позвал оттуда: «Степик!»

Боком, кося глазами то на ноги Сура, то в приоткрытую дверь подвала, Степан скользнул в коридор. При этом со злорадством подумал: «Велел наблюдать – пожалуйста...»

В коридоре стояла огромная, коричневого дерева вешалка. На ней круглый год висел рыбацкий тулуп Сурена Давидовича, тоже огромный, до пят.

«Получай свой главный полдень», – подумал Степан, забираясь под тулуп. В кладовой молчали. Сколько времени Верка будет бегать за платьем? Если Малгоса пришла из школы и если сразу даст платье – минут двадцать. Пока прошло минут пять. Сур, наверно, обходит подъезды. Только бы Верка не нарвался на него.

Малгоса Будзинская – девочка из нашего класса. Она поллька, ее зовут по-настоящему Малгожата. Штуку с переодеванием они со Степаном уже проделали однажды, под Новый год, – поменялись одеждой, и никто их не узнавал на маскараде.

В кладовой молчали. Степка, сидя под тулупом, томился. Решил посчитать, сколько раз за сегодня пришлось прятаться. Раз десять или одиннадцать – сплошные пряталки. Наконец заговорили в кладовой.

– Блюдце не посылают, – проговорил Рубченко-Пятиугольник. – Рискованно. Над нами проходит спутник-фотограф.

– Будьте счастливы, перестраховщики, – сердито отозвался Киселев.

Рубченко засмеялся:

– Э-хе-хе...

Степка слышал, как он повернулся на кровати и как заскрипел табурет-развалюха под Киселевым.

– А ты не гогочи, – тихо проговорил Киселев. – Забываешься...

– Виноват, – сказал Рубченко. – Виноват. Капитану Рубченко не повезло, а монтеру Киселеву пофартило.

– Ты о чем это?

– О чем спрашивают!

– Один стал Углом, а другой – Пятиугольником, – пробормотал Рубченко.

– Потому и сидишь в низшем разряде, – наставительно сказал Киселев, – что путаешь себя, Десантника, с телом. Это надо изживать, Пятиугольник. Ты не отключился от Расчетчика?

– Молчит.

Киселев выругался. Рубченко заговорил приниженно:

– Я, конечно, Пятиугольник... всего лишь.

– Ну-ну?

– Телу моему, капитану милиции, полагался бы Десантник разрядом повыше...

– Возможно. У него должны быть ценные знания. Говори.

Рубченко откашлялся. Было слышно, что он кашляет осторожно – наверно, рана еще болела.

– Так я что говорю... Старуха и мальчишка могут проскочить в район. Так? Неприятный факт, я согласен. Но треба еще посмотреть, опасный ли этот факт. Пока районное начальство раскумекает, пока с командованием округа свяжется, а генерал запросит Москву – о-го-го! – минимально шесть часов, пока двинут подразделения. Ми-ни-мально! Так еще не двинут, еще не поверят, уполномоченного пошлют удостовериться, а мы его...

– Мы-то его используем, – сказал Киселев.

– Во! А он в округ и отпрапортует: сумасшедшая старуха, провокационные слухи и тэ дэ.

– Здесь тебе виднее. Ты же милицейский, «мусор»...

– Правильно, правильно! – льстиво подхватил Рубченко. – А за «мусора» полу́чите пятнадцать суточек, молодой человек!

Степка засунул кулак в рот и укусил. Потом еще раз. Он уже понимал, что Павел Остопович не всегда был таким, что его только нынешним утром превратили в Пятиугольника, и сначала Степка почувствовал облегчение, потому что самое страшное было думать: они всю жизнь притворялись. И даже Сурен Давидович.

Но только сначала было облегчение. Теперь Степка кусал кулак, пока кровь не брызнула на губы, и всем телом чувствовал, какой он маленький, слабый, и сидит как крыса в шкафу, провонявшем овчиной.

– ...Пятиугольник – Пятиугольник и есть... – заговорил Киселев. – Округ, подразделения... В этом ли дело? Информация всегда просачивается, друг милый. На то она и информация... – Киселев, похоже, думал вслух, а не говорил с капитаном. – Загвоздочка-то в ином, в ином... Расчетчик не помнит ни одной планеты, сохранившей ядерное оружие. Мерзкое оружие. Стоит лишь дикарям его выдумать, как они пускают его в ход и уничтожают весь материал. Кошмарное дело.

– Ты видел это?

– Да. Много десантов назад. Пустая была планета.

– Сколько материала гибнет, – сказал Рубченко и вдруг прохрипел: – Х-хосподи! Так здесь ядерного оружия навалом! Как они выжили, Угол третий?

– Не успели передрались, – равнодушно сказал Киселев. – Сейчас это неважно. Ты радиус действия водородной бомбы знаешь?

– Откуда мне знать? Говорили, правда... на лекции...

– Ну-ну?

– Забыл. Склероз одолевает.

– Отвратительная планета, – сказал Киселев. – Никто ничего толком не знает. Бомбы, ракеты, дети... Мерзость. А ты говоришь – уполномоченный. Он больше нужен нам, чем им: хоть радиус действия узнаем.

– Не посмеют они бросить – ведь на своих!

– Могут и посметь.

Они замолчали. Стукнула дверь, быстро прошел Сурен Давидович. Степка, как ни был потрясен, удивился: Сур совершенно тихо дышал, без хрипа и свиста. Где же его астма?

– Как сквозь землю провалился, – сказал Сур. – Квадрат сто три. Объявляю его приметы.

– Объявил уже, – прошелестел Рубченко. – Приметы его известные...

– Почему он скрывается от тебя? – спросил гитарист.

– Умен и подозрителен как бес. Прирожденный разведчик.

Степан все-таки покраснел от удовольствия. Киселев выругался, сказал:

– Не будем терять время, Десантники. Квадрат сто три, корабль не охраняется, а обстановка складывается сложная. Справишься? Там еще Девятиугольник. Предупреждаю: луче-
метами не пользоваться!

– Есть, – сказал Сур. – Пятиугольник, машину!

– Вызываю.

– Машин хватает? – спросил голосом Сура Квадрат сто три.

Киселев ответил:

– Штук тридцать. Пока хватает.

– Я вижу, вы времени не теряли, в самом деле.

Они замолчали. Наверно, Квадрат сто три смотрел в окно – голос Сура проговорил:

– Какой сильный ветер. Пыль.

– Не теряли... – подтвердил Киселев. – Айн момент! Квадрат, ведь ты был в «малом посреднике»!

– Конечно. Ты меня и выпустил.

– Ты же не в курсе насчет детей. Сюрпризец. На этой планете детеныши... (В это время Рубченко кашлянул, и Степка не расслышал последнего слова.)

Квадрат сто три прохрипел:

– Что-о-о?

А Угол окрысился:

– То, что я говорю! И нечего чтокать! До шестнадцати лет примерно – сейчас уточняют.

Степка снова прихватил зубами кулак. Говорят: «детеныши» и что-то скверное «уточ-
няют», и Федя-гитарист кричит на Сура, а тот своим привычным грустным голосом говорит:

– Какая неожиданность! До шестнадцати лет – третья часть всего населения. Третья часть, скажи! А до сигнала наводки еще семь часов, ах как нехорошо!.. Нужно очень охранять наводчика.

Киселев промолчал, и, видимо ободренный этим, Рубченко поддержал Сура:

– Проклятая работа! Знаешь, сколько Десантников на телескопе? Не берем своего навод-
чика...

– Мол-чать! – взорвался Киселев. – Вспомни о распылителе, Пятиугольник двести! А ну двигай в город и действуй по расписанию... Найдешь мальчишку – обезвредь его. Ступай! Эскадра ждет на орбите, а каждый Пятиугольник рассуждает...

Крыса опять зашевелилась под вешалкой. Скрипнула дверь кладовой – тяжело ступая, прошел Рубченко. Бинтов на его голове не было.

Почти тотчас вышли и Сур с Киселевым. Но прежде они поговорили о том, что сигнал будет послан в двадцать часов плюс-минус пять минут, а до тех пор надо держаться, хоть тресни. Проходя по коридору, Сур спросил:

– Следовательно, высшие разряды сосредоточены при телескопе?

– Пока штаб весь в разгоне.

Они захлопнули дверь тира снаружи.

В коридоре стало совсем темно. Аккуратный заведующий тиром не забыл выключить электричество в кладовке. Степка, чтобы утешиться, пробормотал: «Вы – с носом, а я – с оружием...» Пробрался в кладовую и уже протянул руку к сейфу...

Дьявольщина! Ключи-то валялись на противоположной стороне дома, в колодце перед заложённым окном стрелкового зала! Он рванулся бежать за ключами. Остановился. Они оповестили всех своих через говорящие штуковины. Сколько их, неизвестно. Каждый может схватить за шиворот. Даже Верка не надежен – повстречался ему такой тип, и готово. Верка, Верка... Что-то там у них еще с детьми. Проверяют... Степан присел за стол, чтобы подумать. На полу кладовой валялись бинты, вата вперемешку с бетонным шлаком из стены. Сур захлопнул наружную дверь. Значит, возвращаться не собирается. Значит, можно отсидеться здесь, пока все не кончится.

Есть хлеб, сахар, коробка яиц. Вода в кране. Ночью выберется, добудет ключи – и он вооружен, как в крепости. Начнут ломиться – будет стрелять сквозь дверь. Есть газовая плитка и вермишель. И книги.

Он видел в окошке голубятню – ярко-зеленые столбы, сетку. Представил себе, как он будет сидеть словно крыса под вешалкой, а Верка будет ждать в голубятне, пока эти не найдут. Малыш сейчас должен явиться.

Минут пять Степка просидел, глядя в окно. Его мысли колотились, словно о каменную стену, о «малый посредник». Вот, значит, как они орудуют? Этот зеленый ящичек, который Киселев приложил к двери подвала, вот что привез в рюкзаке сержант, – «малые посредники». Они и внушают людям насчет «Квадратов» и «Углов» и заставляют действовать заодно с пришельцами. Степка первый раз твердо произнес про себя это слово. Да, пришельцы, и они хотят загипнотизировать всех людей! Не убивать, а покорить гипнозом. Это гнусно. Однако еще не особенно страшно, будь у них только один «посредник» – гипнотизер. Много народу с ним не обработаешь. Но если каждый из загипнотизированных гуляет с такой штукой в кармане? Тогда им целая армия не страшна. Что же делать? Дьявольщина! О маленьких «посредниках» Алешка не знал, уезжая...

Солнце обошло дом и светило в пыльные стекла, пришлось влезть на кровать ногами, чтобы убедиться: это Валерик. Он бежал с коричневым маленьким чемоданчиком, ноги в коротких штанишках так и мелькали. Степка пожал плечами, вздохнул и пошел наружу. Огляделся, рывком вскочил на голубятню.

Кое-как он уговорил Верку пойти домой и там ждать следующего приказа. Оставшись один, натянул платье, спрятал брюки в чемоданчик и слез с голубятни. Ужасно неловко было в платье. Малгося-умница догадалась прислать и платочек из такой же, как платье, материи в беленький горох. Они недавно прочли про Гека Финна, как он переодевался под девчонку. Степан твердо запомнил: нельзя совать руки в карманы, а когда тебе что-нибудь бросят на колени, надо их не сдвинуть, а раздвинуть, чтобы поймать. Так там написано.

Первым долгом он выудил из ямы ключи – в юбке лазить было страсть как неудобно. Вернулся в тир, перетащил все винтовки из кладовой в стрелковый зал и запрятал под мешками с песком. Потом взял в чемоданчик два боевых пистолета, две коробки патронов, обоймы. Запер сейф, кладовую, положил ключи тоже в Малгосин чемодан и ушел.

Куда броситься?

Степан хотел прорваться в район или в воинскую часть, что стоит недалеко от шоссе. К двум часам он пришел на автобусную станцию. Он ведь не знал, что автобусные рейсы отменены, что в восьми километрах от города стоит застава и никого не пропускает дальше. Все это ему сказали уже на станции. Там шумели возбужденные люди, громко рыдала женщина в черном платье. При Степке вернулся грузовик, набитый людьми, они с криками посыпались наружу: «Вернули! Милиция не пропускает! Мост обвалился!» Кассирша, стоя на ступеньках автостанции, успокаивала народ. Один парень спросил Степана, принимая его за девочку:

– Далеко собралась?

– В район, дяденька.

Парень кивнул.

– В гости?

Степка не отпирался – в гости.

Парень качался с ноги на ногу, руки засунул в карманы и злобно курил, не сводя глаз с кассирши. Он был длинный, с угольным чубом. Рот у него был приметный – изогнутый, как лунный серп, так что получалась улыбка на бледном злом лице.

– Как тебя звать?

– Малгося, – ляпнул Степка не подумав и стал пятиться, потому что парень опустил глаза и пробормотал:

– Гляди как выросла. Не узнаешь... – Он выплюнул окурок. – Шла бы домой.

Он повернулся широкой спиной и ввинтился в толпу. Через секунду его антрацитовая голова блестела уже далеко в стороне – он сел на скамейку посреди сквера и закурил.

Степан стал пробираться к нему, потому что парень внушал доверие. И был не из тех. Как он это узнал? Очень просто. Они с Малгосей совершенно непохожи. Она смуглая, чернобровая, а Степка – белобрысый и веснушчатый. Человек из тех, знающий Малгосю, обязательно бы заподозрил неладное, ведь Степкины приметы передал Рубченко – Десантник.

Но чубатый оказался непоседой. Вскочил, опять выплюнул окурок, протиснулся к кассирше и закричал на нее:

– Когда переправу наведут, говорите точно! Когда? Саперы вызваны?

– Я человек маленький! – верещала кассирша. – Я саперами не команду!

– А Березовое? – гаркнул чубатый.

– Грязь там, грязь! – надсаживалась кассирша. – Грязь, машины вязнут!

– Па-анятно, – сказал парень и снова метнулся в толпу.

Степан приподнялся на носках и увидел рядом с его шевелюрой милицмейскую фуражку. Парень энергично наседа на милиционера. Их сразу обступила куча народу. Степан влез на скамейку. Дьявольщина! Рубченко успел переодеться в форму. Чубатый говорил с воскресшим капитаном!

Рубченко взял парня под правый локоть. Со стороны это выглядело совсем невинно: обходительный офицер милиции объясняет положение взволнованному горожанину. Дела, видимо, печальные – тот свободной рукой схватился за сердце...

Он еще не опустил руку, а Степки уже не было поблизости, вот как. Теперь дело времени – рано или поздно он вспомнит про ложную Малгосю...

Он забился в щель между палаткой «Овощной базар» и пустыми ящиками. Часы на автостанции показывали четверть третьего. Он думал так, что волосы шевелились. До неведомого «сигнала» оставалось меньше шести часов. Если бы Степан каким-то чудом и пробрался в район, то за час до сигнала, ну, за полтора. Это первое. Второе: Алешка с доктором могли и прорваться. Они на машине, да еще с бластером. И третье: он, Степка Сизов, рванул на автостанцию из трусости, из чистой трусости. Испугался этих, решивших с ним расправиться.

Когда Степка начинал сомневаться в своей храбрости, ему удержу не было. Теперь он знал, что не уедет, даже если за ним пришлют персональный самолет. У него есть оружие. Он проник в их планы. Он надежно замаскирован, и плевать ему, что он один и никому не может довериться!

– Плевать! – пробормотал Степка. – Да им на меня покрепче наплевать. Эх, дьяволыщина! С эскадрой-то на орбите...

Та-та-та... – пропел автомобильный гудок. Сиплый голос прокричал:

– На Синий Камень везу и к телескопу! Бесплатно!

К телескопу? Степка промчался через сквер, мимо ребят с прыгалками, и влез в грузовик – тот самый, который при нем вернулся на автостанцию. Засвистел ветер, замелькали один за другим: молокозавод, второй микрорайон, школа, универмаг, почта, синяя вывеска милиции, дом с тиром. Степан сидел, прижимая к груди чемоданчик. Он все-таки здорово запутался, и простое решение, которое ходило совсем рядом, ускользало от него, как упавший в воду кусок мыла ускользает от руки.

Та-та-та... – снова пропел гудок, и Степка схватил это решение. Сигнал! Сигнал в двадцать часов – наводчик – эскадра!

Она ждет на какой-то орбите – эскадра, пришельцы, там, а здесь – не настоящие пришельцы. Они должны подготовить плацдарм и в двадцать часов послать сигнал с «наводчика». Что такое «наводчик»? Они сами сказали, что своего «наводчика» у них нет. Телескоп используют как «наводчик». Ведь наш радиотелескоп не простой, он приемно-передающий, нам рассказывали на экскурсии. Он может принимать радиоизлучение из космоса и может управлять полетом космических кораблей. Наводить их на цель. Наводчик, понимаете? Загипнотизированные работают как передовой десант и в двадцать часов пошлют настоящим пришельцам сигнал: плацдарм захвачен. По лучу нашего радиотелескопа ложные пришельцы сумеют направить хоть тысячу кораблей, и они будут садиться вокруг нашего городка совершенно спокойно! У нас даже телефона теперь нет, словно в каменном веке! Корабли будут садиться, а кругом ничего не узнают.

«Эти прямо дрожали, когда говорили о телескопе, – думал Степан. – Когда Пятиугольник сказал: „Не берем своего наводчика“, гитарист так и рывкнул... Они и Тугарино выбрали из-за телескопа».

...Добродушная тетка с цыплятами, бунтующими в корзине, наклонилась к Степану и спросила:

– Девочка, ты тифом болела? – Он промолчал, и она громко заохала: – Да я бы такую мать послала рыбу чистить, а не дитев воспитывать!..

Кто-то засмеялся и спросил, почему рыбу чистить, а тетка кудахтала, что девчужечка стриженная, бледная и бормочет невпопад, а рыбу чистить – не детей воспитывать. Оказывается, Малгосин платочек валялся на полу, и тетка с цыплятами завязала его на Степке «помодному», под подбородком, – едва не задушила.

– Вертолет, вертолет! – крикнул кто-то.

Правда! С юга, от района, тархтела зеленая «стрекоза», и Степка едва не вывалился из грузовика, который замедлил ход, чтобы водитель и все пассажиры могли полюбоваться.

У-ру-ру! Вертолет, военный! Значит, добрались доктор с Алехой – и будет теперь порядок!

Он забыл, что через Березовое они едва-едва спустя полчаса могли прибыть в райцентр, и орал «у-ру-ру!», пока вертолет садился на совхозный выгон, раздувая пучки прошлогодней вики. Только он сел, из ближнего перелеска вывернулся горсоветовский газик и подкатил вплотную к вертолету, под медленно вращающийся винт. Было видно, как трепещет брезентовая крыша газака, – Степкин грузовик проезжал совсем близко от места посадки.

Из пузатой кабины выбрались двое – военный и гражданский. Двое местных встречали их в промежутке между машинами. Степка не рассмотрел встречающих – мешал кузов автомобиля.

Приезжих он видел хорошо: майор, затянутый «в рюмку», с крупным красивым лицом, а гражданский – невысокий, с блестящей сединой, в приметном темно-сером костюме и с начальственной постановкой головы.

Все налюбовались встречей, грузовик загудел, и в пятидесятый раз за этот нескончаемый день Степан увидел проклятый жест – двумя руками за сердце: два человека, четыре руки...

Он забился в свой угол. Два человека, еще два. Вдруг стало безнадежно-отчаянно. Так ловко, так спокойно это проделывалось. Они брали нас без выстрела. Команда вертолета наверняка ничего не заметила: доставили пассажиров, куда было приказано, и – т-р-р! – затарахтели обратно. Те могли и вертолет захватить, но почему-то не пожелали. Помиловали. Из всех зрителей это понимал один лишь мальчишка четырнадцати лет. Он ехал к телескопу, и на коленях у него стоял чемоданчик с двумя пистолетами и сотней патронов к ним. Всё. Больше ничего не было.

Входи!

– ...А какое большое удовольствие было выпить рюмашечку и капусткою кочанной закусь!...

От Синего Камня грузовик шел пустой. Степку развлекал последний попутчик – маленький голубоглазый старик, пряменький, с высоким выпуклым лобиком и смешным ртом. Нижняя губа – сковородником, как у Валерки, когда он собирается взвять белугой. Степка не знал его, потому что старичок был деревенский и прямо из деревни пришел и нанялся охранником на телескоп. По дороге от Синего Камня он рассказал, какой он раньше, в деревне, был здоровый и как его две войны не пробрали, а сидячая работа пришибла так, что он четыре недели пролежал в районной больнице. Он от хохота наливался кровью, вспоминая, как ему «питание непосредственно к койке подвозили, на резиновом ходу». И запретили ему пить и пшеничное вино, и легкое вино, и даже пиво...

Так он болтал, тараша озорные глаза, а Степка думал о своем и, казалось бы, совершенно его не слушал. Когда же старичок спросил, зачем «мадемазель» едет к телескопу, Степка вдруг брякнул:

– Посылку везу, дедушка.

– Больно деловая, – отметил старичок. – Для кого передача-то?

– Для Портнова Вячеслава Борисовича, – снова брякнул Степка.

– Зна-атный человек! – восхитился попутчик, но в его подвижном личике промелькнуло что-то ироническое. – Зна-атный... Непьющий!

Видимо, ирония и относилась к последней характеристике Вячеслава Борисовича. Дед не мог взять в толк, почему здоровый, молодой и «знатный» человек по своей воле отказывался и от пшеничного вина, и от легкого вина, и даже, как говорили, от пива.

– А что в посылке содержится?

– Не знаю, – сказал Степка. – Мое дело – передать.

Он рассчитывал, что дед, как охранник, проведет его к Портнову. Старичок был, несомненно, не из тех – смеялся весело, тонко, заливисто и очень смешно распахивал большой рот с крепкими черными зубами. Те смеялись грубо, коротко. Как лаяли.

– Передашь, передашь, вот сейчас и передашь, – болтал попутчик. – Считаю, приехали... Постовой позвонит, Портнов подойдет на проходную Зойку-секретаршу, получишь шоколадку – и лататы... Михалыч! – завопил он прямо из кузова охраннику, стоящему у ворот. – Михалыч, тута мадемазель с посылкой к Портнову.

Степка смотрел на носки своих ботинок. Влопался! Ясное дело, он не собирался отдавать чемодан с оружием одному из тех. Он хотел под видом посыльной пробраться к Портнову, а еще лучше – к профессору Быстрову, директору. А теперь что? Говорить, что пошутил, то есть она пошутила, и никакой посылки нету? Или требовать, чтобы его самого провели к Портнову?

Он сидел в машине, пока водитель его не шуганул. Соскочил. Пистолеты брякнули в чемодане. Дед-попутчик суетливо отряхивался. Охранник от ворот пробасил:

– Я-то думал, ты с внучкой приехал. Здравствуй?

– Э-э! Была у собаки ката... – затарахтел старичок.

– Завелся, – сказал охранник. – Ступай в дежурку, Прокофьев... Устав тебе прочтут... новый. Ха-ха...

Степка, наверно, побелел: он-то знал, какой «устав» прочтут веселому старичку в дежурке. Охранник несколько секунд смотрел на него с мрачным интересом.

– Чего привезла?

Степка промолчал, выгадывая время.

– А ну покажи. – Охранник протянул руку за чемоданом.

Степка отошел на два шага.

Охранник ухмыльнулся и, наклонив голову, стал смотреть на девчонку. Степка решительно выдержал его взгляд. Догони, попробуй... Михалыч пожал плечом, сплюнул и показал на ворота:

– Беги вон налево, в лабораторный корпус, по лестнице на второй этаж и налево до конца.

Степка пошел. В ворота и налево по бетонной чистой дорожке, по расплывчатым полосам тени, падающим от стальных ферм телескопа. Он шел в проклятой юбке, и нельзя было сунуть руки в карманы, и сзади, от ворот, на него смотрел мрачный Михалыч. И невозможно было знать, что ждет впереди. Совершенно свободно неведомое нечто, умеющее гипнотизировать людей за долю секунды, владеющее бластерами, зелеными радиостанциями – «слизняками» – и прочей дьявольщиной, – совершенно свободно, думал Степка, оно могло проследить за каждым его шагом и узнать, что он везет в чемодане, и нарочно приказать пропустить его.

Вот корпус. Двух шагов хватало как раз от одной теневой полосы до следующей. Вот корпус и дверь. Входи! Сколько времени ты мечтал о пистолете в правой руке и пистолете в левой руке, – входи! Ты умеешь стрелять с левой, стрелять быстро и попадать. Охота тебе стрелять, Степан? Не сворачивай на крыльцо, иди прямо, вокруг холма и к забору... Тебе же совсем неохота стрелять...

Он вошел. За стеклянной дверью мягкий пластмассовый ковер намертво глушил шаги. По лестнице как река стекала мягкая дорожка. Степка поднимался с усилием, будто плыл против течения. Корпус был тих и безлюден, тишина жужжала в ушах. Пустой коридор смотрел на Степана блестящими глазами ламп. Редкие двери были толсто обиты кремовым пластиком.

Дощечки висели наклонно на выпуклой обивке: Степке отсвечивало, ростом он был мал. Приподнимался на цыпочки, чтобы прочесть: «Липилинь Р. А.», потом «Кротова З. Б.» и вот «Портнов В. В.».

Степан оглянулся. Показалось, что невидимые пришельцы-гипнотизеры висят над дверями, как воздушные шары, и смотрят невидимыми глазами. И он, спасаясь от невидимых

глаз, дернул дверь и очутился в темном узком тамбуре. Набрав полную грудь воздуха, толкнул вторую дверь и очутился в кабинете, напротив письменного стола.

Вы думаете, что вас нельзя убить?

– Здравствуй, здравствуй! – Портнов улыбался и кивал, выглядывая из-за настольной лампы. – Ты ко мне, девочка?

Ослепительное солнце било в стеклянную стену кабинета. Степка прижмурил глаза.

– Ты ко мне? – повторил Портнов.

Он, приподнявшись, посмотрел на чемодан.

Степка кивнул: у него перехватило голос.

– Ну, рассказывай...

Степка быстро присел на стул справа от двери, вздернул чемодан на колени, приоткрыл. Портнов, улыбаясь, поставил ребром на стол плоскую зеленую коробку размером с папиросный коробок. Такую же коробку гитарист приносил к дверям тира. Степка узнал ее, но уже некогда было пугаться. Он придержал крышку чемодана левой рукой, правой нащупал ручку «макарова», выхватил его и предупредил:

– Спуск со шнеллером, стреляю без предупреждения... Руки!

Руки инженера безжизненно лежали на столе. Серые, безжизненные губы проговорили:

– Пистолет – не игрушка для девочек. Дай сюда.

– Ну уж нет... Эту штуковину оставьте в покое!

Рука отодвинулась от зеленой коробки. Инженер глубоко вздохнул, щеки как будто порозовели.

– Играешь в разведчиков, дитя века? Чего ты хочешь, собственно?

– Погодите, – сказал Степка. – Я вам сначала скажу вот что. И не забывайте о шнеллере. (Тот кивнул осторожно.) Я знаю, что вы думаете, будто вас нельзя убить. Вы оживете, да?

– Ты сошла с ума, – прошептал инженер. – Ты что-то путаешь.

– Ну уж нет. Это вы не понимаете, что на таком расстоянии вам разнесет голову в клочья...

Инженер опять кивнул и прищурился. Степка подумал, что зря он выкладывает про оживание.

– Предположим, я это понимаю, – проговорил Вячеслав Борисович. – Что дальше? Откуда ты взяла, что меня нельзя убить?

– Это вам все равно. Вы должны вывести из строя телескоп.

– Зачем?

– Вы сами знаете.

Инженер ухмыльнулся:

– Можно почесать затылок? Нельзя... Ну, считай, я почесал. Как же я выведу из строя телескоп, по-твоему?

– А мне плевать как.

– Рассуди сама, дитя века. Предположим, я согласился и пошел в аппаратную с дубиной – ломать и крушить. Ведь ты пойдешь со мною, со своим шнеллером, иначе я просто запру тебя снаружи. Так?

Степка молчал.

– Так. А при входе в аппаратную и еще кое-где стоит вооруженная охрана. Ей покажется немного странным наше поведение. Здесь не принято водить начальство под дулом пистолета. Да еще со шнеллером. – Отдай-ка пистолет и убирайся подобру-поздорову...

«Взрослые нас ни в грош не ставят, – думал Степка. – Этот даже под гипнозом не поумнел. Не верит, что девчонка сможет в него пальнуть. А в самом деле, как он испортит телескоп? Это же не просто так, не проволочку сунуть в розетку».

– А мне плевать, – сказал он вслух. – Вы инженер. Вот и думайте. Я посчитаю до десяти, потом всажу всю обойму вам в голову. Вот и думайте. Раз...

Он быстро нагнулся и, не сводя глаз с Портнова, опустил чемоданчик на пол. Выпрямился, встал. Платье сильно резало под мышками, и было жутко видеть перед собой лицо человека, в которого сейчас придется стрелять, – вот что чувствовал Степка. Он отсчитывал: «Четыре... пять... шесть...» – и подходил все ближе и глядел в неподвижные, странно блестящие глаза инженера. Остановившись перед самым столом, он сосчитал: «Восемь» – и вдруг понял, что умирает.

...Казалось, он только что произнес «восемь». Почему-то он валялся на спине, с закрытыми глазами, с головой, повернутой влево. Он приоткрыл глаза – рядом с головой были ноги в светлых брюках.

Вячеслав Борисович стоял над ним. В правой руке он держал пистолет – за ствол. Дьявольщина! Это был Степкин пистолет! Видимо, он только что перешел к инженеру. Степка бессознательно рванулся, чтобы схватить пистолет за рукоять, но Портнов отскочил – лицо его было серое, а глаза расширены, как от испуга, и он неуклюже перехватил пистолет за рукоятку, вытянул руку и нажал спуск. Щелкнул боек. Осечка.

Степка не испугался, когда дуло уставилось в его глаза. Мир казался ему ненастоящим. Таким он, наверно, представляется жуку, перевернутому вверх лапками. Степка сидел и беспомощно смотрел на инженера. А тот, не выпуская из левой руки зеленой коробки, оттянул затвор пистолета, заглянул в казенник и пожал плечами:

– Не заряжен, конечно... Казаки-разбойники!

Не заряжен, дьявольщина! Конечно же, он зарядил только один пистолет и забыл об этом, а в руку ему попал именно пустой! Заряженный лежит в чемодане. И это спасло ему жизнь.

Инженер вздохнул. Лицо его порозовело, и губы складывались в привычную улыбку. Он опустил пистолет в карман, смерил Степана взглядом и пробормотал:

– Неужели – комонс?

Шагнул к столу. Остановился. И, будто решившись, поднял коробку, что-то дернул в ней, и Степан снова, третий раз за день, ощутил смертную тоску и смертное беспмятство и третий раз очнулся.

Его тошнило, и очень хотелось плакать. Он опять лежал навзничь. А инженер Портнов сидел за своим огромным столом и смотрел на него.

– Р-рожа! – сказал Степан. – Ты! Рожа! Фашист! Предатель!

Он лежал и ругал Портнова, от ненависти вжимаясь в пластик пола.

– Предатель, предатель, предатель!!!

– Ну-ну, – сказал Портнов. – Попрошу без крепких выражений. «Фашист, предатель...» Кто к кому явился с этим, как его бишь, шнеллером? Ты лежи, не вставай. Пол, правда, грязный... – Он хмыкнул. Все-таки он был в большом недоумении и поглядывал на Степку опасливо. – Впрочем, поднимайся. Я плохо вижу тебя из-за стола.

– Что вы со мной сделали? – яростно крикнул Степан и вскочил.

– Надо ли тебе знать – вот вопрос! – Инженер держал его под прицелом своего странного оружия. – Вот вопрос... С другой стороны, ты уже знаешь слишком много. А? Так, кажется, принято говорить? (Степка молчал.) Я дважды пробовал поместить в тебя Десантника, и дважды ты его не приняла. Хотя «посредник» стоит на полной мощности...

Степка вдруг спросил:

– Это – «малый посредник»? А что значит – поместить в меня Десантника?

– О всеобщая грамотность, – пробормотал инженер. – О чудеса Вселенной... Ты действительно очень много знаешь. Где Степан? Говори!

– Какой Степан, дяденька? – отвечал Степка.

Тогда инженер снял телефонную трубку, зажал ее между плечом и головой и принялся постукивать по рычагу. В свободной руке он держал зеленую коробку «посредника». А Степка вдруг вспотел. Он понял, что Портнов сейчас вызовет кого-то, может, и веселого деда-охранника, и прикажет девчонку увести и пристукнуть. И вдруг до него дошло, что Портнов не смог «поместить в него Десантника», или, как Степка это называл, загипнотизировать. И поэтому не мог узнать, что еще лежит в чемодане. О втором, заряженном пистолете не знает...

Портнов сердито дул в трубку, крепко держа в руке «посредник». Чемодан, чуть приоткрытый, лежал в двух шагах от двери и в трех шагах от Степкиных ног. Язычок замка загнулся внутрь и не дал крышке стать на место.

Степка примерился. Инженер, скосив глаза, набирал номер. Степка прыгнул, отшиб крышку... Блеснула синяя рукоятка, он схватил ее и выстрелил наудачу, одновременно нажав на спуск и предохранитель. Ра-ах! Ра-ах! – громыхнули стекла. Первая пуля вдребезги разбила телефонную трубку, вторая ушла в сторону.

Инженер уронил трубку и закрыл глаза.

Степка обмяк. Показалось было, что инженерский череп брызнул белыми осколками. Повезло – попал в трубку... Едва дыша, он приблизился к столу и вынул «посредник» из большой слабой руки. Ящичек был тяжелый. С одной стороны была крошечная воронка, с другой – две нити: длинная и совсем короткая. С маленькими шариками на концах.

– Вот так так, – прошептал Степан.

Вячеслав Борисович как раз открыл глаза. Контузило его несильно, только исцарапало щеку осколками пластмассы. Он уставился на ящичек в Степкиных руках и тихо, срывающимся голосом проговорил:

– Отдай... Отдай... Взорвется!

– Ну уж нет, – сказал Степка, сам себе не веря.

Инженер смотрел на него с ужасом. Беззвучно шевелил серыми губами.

– А вы меня боитесь, – сказал Степан.

– Отдай! – Голос был сдавленный, сиплый.

Степан поднял «посредник», прикинул длину обеих ниток. Чтобы включить «посредник», сидя за столом, инженер должен был дернуть за длинную нитку. Короткая мала. Зачем здесь две нити? Он сам себе не верил. Он только видел, что тот помирает от ужаса, а выстрелить никогда не поздно. И дернул за короткую нитку.

Ящик стал тяжелей. Инженер закрыл глаза. Больше ничего не произошло.

Степка попятился, натолкнулся на стул. Сел. Плохо держали ноги. Пистолет гулял в руке. Надо бы запереть дверь, подумал он. Оттуда могли слышать пальбу, хотя дверей две штуки и одна обшита. Только где возьмешь ключ?

Портнов зашевелился и забормотал не поднимая век:

– Почему вы храните мою посылку?.. Что? – Он вдруг ясно посмотрел на Степку: – Ты ко мне, девочка? Я заснул. Странно...

Степке казалось, что каждый толчок сердца ударяет его о спинку стула. Неужели удалось? Ой, неужели удалось?

– Бросьте притворяться, – пробормотал он. – Не поможет.

Инженер провел рукой по щеке и посмотрел на окровавленные пальцы. Поднял разбитую трубку, осмотрел, кое-как пристроил на аппарате. И вдруг разглядел пистолет в Степкиной руке – стал смотреть попеременно то на трубку, то на пистолет. Оглянулся, нашел в стене пулевые отверстия – пожал плечами.

Если он притворялся, то артистически. С кривой, безумной улыбкой он пробормотал:

– Не могла бы ты в следующий раз будить меня поделикатней?

– Вы не притворяйтесь, – еще раз сказал Степан.

Вячеслав Борисович закрыл глаза, открыл, сильно нахмурился и попросил:

– Послушай, девочка, если тебе что-нибудь надо от меня, положи куда-нибудь свою пушку. Я под пушкой не разговариваю.

Степан вдруг догадался, как его проверить.

Он поставил «посредник» на стул, а сам пятясь отошел к окошку.

– Хотите поспорить, что попаду с одного выстрела?

Прежний Вячеслав Борисович, без сомнения, перепугался бы отчаянно за драгоценный аппарат. А этот, наоборот, оживился и предложил:

– Лупи всю обойму, дитя века! Ставлю эту авторучку, что больше одного раза не попадешь, – и еще выкатил для искренности глаза.

Степка как стоял, так и сел. Подействовало, значит... «Посредник» сработал в обратную сторону! А инженер тем временем открыл рот, поковырял в нем пальцем и выудил зеленого «слизняк». Грустно посмотрел на него и пробормотал:

– Может быть, я еще сплю, а? Зачем ты сунула мне в рот это? Ты ловкая девчонка, но все равно промахнешься, могу поспорить.

То есть он продолжал хитрить, чтобы Степан высадил всю обойму в «посредник» и пистолет стал безопасным. Если он не притворялся, то, по-видимому, ничего не помнил с момента, когда его загипнотизировали.

Степка боялся верить своему счастью. Неизвестно, сколько он колебался бы еще, но инженер выудил из кармана второй пистолет и так напугался, что стоило посмотреть! Он побледнел и отбросил пистолет, а Степке стало смешно, что человек не побоялся оружия в чужих руках и передрейфил, найдя его в своем кармане. Ему стало смешно, почему-то брызнули слезы, и, захлебываясь ими, он забормотал:

– Вячеслав Борисович, Вячеслав Борисович! – а инженер сидел за столом и смотрел на него, открыв рот.

Степка получает инструкцию

Положение было все равно отчаянное. Вот-вот могли появиться другие загипнотизированные – Степка не сомневался, что все здешние сотрудники из тех. Они могли явиться на шум либо просто по делу, могли вызвать Портнова по «слизняку». А Вячеслав Борисович ничего не помнил. Для него время остановилось в милицейском сарае, куда его заманили под предлогом «голубенького письмеца». Он словно заснул в сарае, а проснулся за своим столом. Он совсем ничего не знал. А тут еще Степан, переодетый девчонкой, пистолеты, исцарапанная щека и голова, гудящая после контузии...

– Вячеслав Борисович, я вас разгипнотизировал! – кричал Степка.

Вячеслава Борисовича прошиб крупный пот, он почему-то забормотал тонким голосом:

– Для больных, живущих в селении, устроены потильные комнаты с платою за потение на кровати 50 копеек.

– Какие комнаты? – спросил Степка.

– Потильные, какие же еще? Девочка, ради бога, что сей сон означает?

– Я не девочка, – бахнул Степан. – Это не сон, а пришельцы.

– А! Конечно, конечно, я и забыл, – задушевно сказал инженер. – Пришельцы, конечно! И надо сообщить о них кому следует? Э, телефон-то того... А я, такая неудача, проспал пришельцев... Какие они из себя? Ты, значит, не девочка?

Степка сдернул с головы платок.

– Ага... – Глаза у Вячеслава Борисовича опять полезли к носу. – Ты и правда мальчик... Ну, пойдем рассказывать о пришельцах?

Степка подбежал к нему:

– Вячеслав Борисович! Я не сумасшедший псих, честное слово! Поймите, вы же не спали, вас пришельцы загипнотизировали в сарае! Помните? А я вас разгипнотизировал этой штукой... Вот это их аппарат для гипноза, только за нитку не дергайте.

На всякий случай он не выпускал из рук «посредник».

– В сарае – это точно... – пробормотал Портнов.

Видно было, что он пытается вспомнить и не может. Он сказал:

– Точно... Повели они меня в сарай, но что было дальше, хотел бы я знать? Откуда тебе известно про сарай?

– Да я сидел за стенкой, подсматривал. У них в сарае был поставлен «посредник», которым они гипнотизировали! Сначала вас, потом вашего шофера, а потом вы взяли «малый посредник» и уехали. Не помните?

– Не помню, – сказал инженер.

Он блуждал глазами по столу, пытаясь уцепиться за что-нибудь, вспомнить хоть любую чепуху, заполнить хоть мелочью четырехчасовой провал в памяти. Он опять вспотел, словно выкупался, но уже не говорил о «потильных» комнатах.

– Они гипнотизируют, – шептал Степка. – Они уже всех-всех – и милицию, и почту, и горсоветских... Они хотят послать сигнал по вашему телескопу своим кораблям на орбиту, в восемь вечера. Они телескоп называют «наводчиком», понимаете? Не дерните! – Он убрал ящичек.

– Что? – вскрикнул инженер. – В двадцать часов?! – Его взгляд наконец-то ухватился за что-то на столе. – Как тебя зовут? А-а, Степаном? – Он поднял со стола календарь, покрутил, поставил. – А это что – маленькое?

Степка стал объяснять: радиостанция такая, прилепляется в рот, на «твердое небо». А вот этой штукой можно человека загипнотизировать, он только руки прижмет к груди – и готов. Но ею же можно и обратно сработать, если потянуть за короткую нитку, и он, Степка, именно так и освободил Вячеслава Борисовича от гипноза. Они называют эту штуку «малым посредником»...

Он рассказывал быстро, не очень связно, потому что дорога была каждая секунда. Дьявольщина! Портнов оказался очень странным человеком. Когда он понял, что самих пришельцев нигде не видели, он вдруг захохотал и крикнул:

– Правильно! За каким лешим таскать по космосу брэнное тело, если можно ограничиться сознанием? Молодцы!

Он вскочил, пробежался от окна к стене, опять к окну, постучал по стеклу и пробормотал с непонятным выражением, не то злым, не то веселым:

– А? Проблема контакта! Сперва ты меня повези, а потом я на тебе поезжу...

– Вячеслав Борисыч, надо скорей, – напомнил Степка.

– Да-да, я кое-что придумал... – Он повернулся, одним махом оказался за столом и с тем же непонятным выражением посмотрел на Степана. – Будем считать, что твой друг не доехал до города. И что ответственность за судьбы Земли навалилась на наши хрупкие плечи. Отдохни пяток минут... – И стал быстро писать в большом блокноте. – Сейчас мы сообразим для них кое-что интересненькое... Шалуны! Наводчик им понадобился... Так отзываться о благородном инструменте!

Степан стал смотреть через его плечо. Он быстро написал сверху листа: «Инструкция, как испортить телескоп» – и сразу замарал эту надпись. Степка мысленно одобрил его поведение: о диверсии вслух говорить не стоило. Если уж это подслушают – не помилуют... Он в

десятый раз, наверно, вспомнил разговор, который он сам подслушал, сидя под шубой Сура. Как Киселев зарычал, когда Рубченко заикнулся о телескопе: «Вспомни о р-распылителе!»

Он покачал головой. «Распылитель» должен быть дьявольски страшной штукой – вся компания испуганно смолкла после этих слов. Было приятно думать, что и они могут бояться. И тут Степан увидел на перекидном календаре свое имя, написанное мелким острым почерком Портнова.

Было написано:

- «1. Степан Сизов, 1,5 м, коренастый, волосы светло-русые, глаза серые, легко бледнеет, стрижка бокс, 13–14 лет.

Надежно изолировать для акселерации, либо +.

- 2. Оконч. подготовки – 19:40».

– Ага, это мои приметы, – сказал Степка. – Это вы писали под гипнозом, да? (Инженер пробормотал что-то невнятное себе под нос.) А крестик почему?

Перо бесшумно летало по бумаге: не останавливая его бега, инженер ответил:

– На вечную память. Ясно тебе? Тогда завяжи платок поаккуратнее, ты же девочка... – Он ткнул рукой налево, в угол.

Угол был отгорожен занавеской. Там оказался рукомойник с зеркалом. Степка вздохнул и ополоснул руки, лицо, – очень уж грязен для девчонки. Утерся вафельным казенным полотенцем, перевязал платок. Скорчил себе презрительную рожу – вылитая девочка, противно даже. Озабоченно выскочил из угла, подбежал к двери... Никакого движения в коридоре. Если те подслушивают, уже давно были бы здесь. После выстрелов – наверняка. Впрочем, «слизняк» сам не должен ничего слышать, для разговора те ложились и закрывали глаза.

Вячеслав Борисович еще писал. Из окошка ничего интересного не было видно – неподвижно стояли пыльные березы, а телескоп и проходная были с другой стороны, за углом. Монотонно стучала какая-то машина. Степка вспомнил об оружии и зарядил оба пистолета. Вложил в один недостающие два патрона, а во второй всю обойму. Поколебавшись, поставил «посредник» на стол. Вячеслав Борисович с треском выдрал лист из блокнота и сказал:

– Дай мне тоже игрушку. Спасибо, – и с отвращением сунул пистолет в карман. – Боюсь, что он мне пригодится еще до заката. «Посредник» оставляешь, правильно... Это вот, – он протянул исписанный лист, – прочтешь за воротами, в укромном месте. Спрячь надежно. Тикай отсюда поскорей. Игрушку советую держать за пазухой, до времени, – посмотришь в бумаге, до какого. Сиди в укромном месте, подальше отсюда, на глаза людям не попадайся. Часов у тебя нет? Возьми эти. Точные.

Степка дернул плечами, но часы взял.

Дьявольщина! Как ему не хотелось снова оставаться одному! Он мрачно сложил бумагу, сунул за ворот платья. И вдруг Портнов сказал:

– Ты знаешь, кто я? Надувенна жаба.

– Чего? – спросил Степка.

– Надутая лягушка, по-сербски. Я же забыл про Благово!

Он светло улыбнулся, и Степка понял, что уходить никуда не надо. Честное слово, это было здорово!

Хитрый портняжка

Вячеслав Борисович прятал разбитый телефон, приговаривая:

– Хорошо быть муравьем – коллективная ответственность... Бегай по краю тарелки и воображай, что держишь курс на Полярную звезду.

Степка вежливо ухмыльнулся. Инженер пояснил:

– Муравей лупит по кругу, а думает, что бежит прямо. Не буду я сидеть в уютном кабинете – побегу... Мой номер, кажется, Угол одиннадцать?

– А что?

– А то, что я – из начальства. Старше меня только Линия да Точка. Понял?

– Ага, – сказал Степан. – Правильно! Пятиугольника они в грош не ставят. Ну и что?

– Мы им устроим потильную комнату, – сказал Портнов, нагибаясь к столу. – Зоя! Зоечка! Ау!..

Из динамика ответили:

– Слушаю, Вячеслав Борисович...

– Машину, Зоечка. Пускай Леонидыч подгонит, я поведу сам. Быстренько... – Он отпустил кнопку и подмигнул. – Поехали к сентиментальному боксеру, муравьишка.

– А инструкция как же?

– Держи про запас. Мы едем к умному человеку, Степа. Не голова, а трактор. С ним на пару я кое-что смогу проделать... если он чистый.

– А почему он – сентиментальный боксер?

– Он такой, – сказал Вячеслав Борисович. – Увидишь. Он уже трое суток сидит взаперти и думает грустную думу. Он физик-теоретик. Вот и машина...

Шофер не заметил Степана и начал было:

– Угол одиннад...

– Молчать! Вы останетесь... хм... Петр Леонидович. Ясно? Садись, Маша, – это Степану. Потом снова шоферу, громким шепотом: – Угол третий вызывает...

– Так машину же разобьете! – жалко улыбнулся шофер.

– Пропадай моя телега, – ответил Портнов и очень натурально заржал, подделываясь под загипнотизированного.

Третий раз за день Степка ехал в машине. Вячеслав Борисович действительно был неважным водителем – вцепился в руль и вытянул шею. Но машину не разбил, а довольно плавно остановил ее у подъезда итээровского общежития молокозавода.

– Киселев живет здесь, – предупредил Степка.

– Думаешь, присунул моему дружку к замочной скважине «посредник», да?

– Проверим, – сказал Вячеслав Борисович. – Ты на глаз их не различаешь, своих подшефных?

– Пока еще нет, – сказал Степка.

– Ну, рискнем, Машенька. Он очень соображающий парень, Митя Благоволин.

– Странная фамилия, – сказал Степка.

– У него прадед был из духовных, из попов, – говорил инженер, пробираясь по узкой лестнице. – Им в семинариях давали новые фамилии, благозвучные...

Вячеслав Борисович немного трусил и рассказывал о благозвучных фамилиях для храбрости. Степка подумал: ничего, привыкнет. Он шел и примечал дорогу. Запомнил, что в общежитии две лестницы. Что, кроме центрального входа – с улицы, имеются два хода во двор, прямо с нижних площадок. Что на третьем этаже очень неудобно стоит красный ящик с песком, легко зацепиться на бегу. А вот и пятый этаж. Коридор был пуст. В большой кухне звонко переговаривались женщины. По коридору пробежал парень в длинных футбольных трусиках, размахивая полотенцем.

– Комната шестьдесят восьмая, – сказал Портнов. – Он дома.

В замочной скважине виднелся шпенёк ключа, вставленного изнутри.

– Постой здесь, – прошептал инженер. – И аккуратно, аккуратно...

Степка прижался лопатками к стене рядом с дверью. Парень с полотенцем уже скрылся в умывальной. Инженер постучал.

– Благово! Отпирай, хитрый портняжка пришел!

Из-за двери ответили негромким басом:

– Пошел вон.

– Отпирай, говорю! Новый «Нэйчур» получили!

Замок шелкнул.

– Опять сенсация? – спросил бас.

– Здесь красивая местность, – быстро проговорил инженер.

– Что-о? – удивился бас. – Сла-авка, да на тебе лица нет!.. Входи. Кофе хочешь?

Вячеслав Борисович схватил Степана за плечо и втокнул в дверь, мимо хозяина.

Это был огромный, широченный, очень красивый мужчина. Большой как шкаф, весь в коричневых мускулах. Бицепсы – каждый со Степкину голову. Золотые волосы. Солнце немилосердно пекло в окошко, и хозяин был в трусах и пляжных тапках-подошвах. Он жалостливо посмотрел на Степана и вполголоса спросил:

– С ней что-нибудь случилось? Нужно денег?

– Здесь красивая местность... А?

– Ты что, издеваешься?

– Ладно, – сказал Портнов. – Раз такое дело, налей кофейку. Это Машенька, ей тоже кофейку.

– Ну, знаешь, Портняжка... Это ни в какие ворота не лезет!

– Лезет, Благово, – сказал Вячеслав Борисович. – И сенсация есть. Зеленые человечки добрались до планеты по имени Земля.

Сентиментальный боксер

Степка пил холодный кофе с печеньем и слушал. Сначала он понял, что ученые прозвали инопланетных жителей «зелеными человечками». Еще давно, загодя. Они давно предполагали, что должны быть эти жители, и для выразительности дали им прозвище.

Потом Степка понял, что огромный загорелый парень боится – лицо у него побледнело даже под загаром.

«Что же, и напугаешься», – подумал Степан. И тут разговор стал непонятным и пошел, казалось, в сторону.

Благоволин спросил:

– Значит, транспортируют чистую информацию? – Он осторожно тронул «посредник», лежащий на столике.

– На каком-то субстрате. Сте... Маша говорит, эта штука стала тяжелее, когда меня... как бы это сказать?

– Среверсировали. Намного тяжелей?

– На чуть, – сказал Степка.

Хозяин повернулся к нему:

– Ага! На чуть... А в граммах?

Степан пожал плечами. Благоволин еще раз прикоснулся к «посреднику».

– Сколько их там? Сидят и ждут... Сколько их там, Портняжка?

– Вскроем и посмотрим, – мрачно сказал Вячеслав Борисович. – Полюбуюсь.

– Пожалуй, не стоит. А хочется, Портняжка... Положить бы на аналитические весы и потянуть за ниточку...

– Положи, – сказал Вячеслав Борисович. – Ко мне в карман положи и больше не трогай, знаю я тебя.

– А кто в нем сидит? – спросил Степка. – Это же гипнотизер.

– И правда, кто же там станет сидеть? – пробормотал Благоволин.

– Пришельцы, – серьезно объяснил Вячеслав Борисович. – Точнее, их разумы, личности, понимаешь? Ну, содержание их мозгов, если так понятней.

– Кому объясняешь, Слава... Вон книжка с картинками, это ей по возрасту.

– Машенька – человек, – сказал Вячеслав Борисович. – У нее с зелененькими свои счеты. – Он потрогал ссадины на щеке.

– Ну, сиди, раз человек... Значит, транспортируют чистую информацию. Я был прав. Помнишь наш разговор о кембриджских наблюдениях?

– Митька, я всегда считал тебя большим человеком. Все правильно. Даже то, что цивилизации с ядерной энергией не выживают, самосжигаются.

– А! И об этом был разговор? Когда?

– Маша, повтори, – сказал Портнов.

– «Мерзкое оружие, – пробормотал Степка. – Стоит дикарям его выдумать, тут и пускают в ход и уничтожают весь материал». А материал – это что? Уран?

– Это мы. Дикари. Мы для них – материал. Ладно. Дмитрий, что ты предлагаешь?

– А мерзкое оружие – эйч-бамб.

Они вдруг замолчали, как бы испугавшись сказанного. Портнов закурил. Рука со спичкой дрожала. Потом он выговорил с усилием:

– Может быть. Уничтожить всех сразу. Но мы должны помешать им распознать.

– Каким образом?

– Главные силы где-то на орбите. Я думаю, без них Десантники не двинутся из Тугарина. А сигнал они должны послать через наш телескоп.

– Могут и без них. Я обмозговал бы это дело пошире. Ведь и комару жужжать не запрещается.

– Времени мало.

– Стратегию надо обдумывать серьезно, – сказал Митя. – И в сказке комары пожужжали, выбрали стратегию и медведя одолели... Портняжка, а зачем они пошли в космос? Что им надо, этим Десанникам? А?

– Перенаселение, нехватка полезных ископаемых... Что еще?

– Хитрый Портняжка наряжает пришельцев в земное полукафтанье... Полезные ископаемые удобней искать на необитаемых планетах. А насчет перенаселения... Смотри-ка: «зеленые человечки» умеют сжимать личность до размера вишни, судя по этому ящичку. Так на кой им ляд жизненное пространство, если в твоём кармане уютно размещается десяток живых сознаний?

– Инстинкт завоевания, – сказал Портнов.

– Ну! Ты же марксист, изучал политэкономии! Инстинкты, страсти – господин Шопенгауэр, ай-ай... Инстинкт – это для перелетных птиц побудительно, а развитой цивилизации надо кое-что посерьезней. Перенаселение, перенаселение... Вот оно – кое-что. Рабочая гипотеза: они перенаселены мертвецами.

– Загну-ул... – сказал Вячеслав Борисович.

– Боже мой, это проще простого! У тебя в кармане лежит аппарат, который списывает с живого мозга полную картину сознания и хранит ее неограниченно долго. Точнее, пока не подвернется подходящее тело, в которое можно всадить это консервированное сознание.

Инженер крикнул.

– А-а, закричал... Разгадка-то лежит на поверхности... Предположим, ты выдумал эту штуку... из самых гуманных побуждений, чтобы победить смерть. До что дальше? Стариков и безнадежно больных начинают спасать. Прячут их сознание в этот аппаратик, чтобы найти когда-нибудь потом свободное тело. Например, тело преступника. Можно у сумасшедшего сменить личность на здоровую, понимаешь? Но что будет дальше?

– Дальше начнутся неприятности, – подхватил Вячеслав Борисович. – Преступников и сумасшедших мало. И вообще, это не метод.

– А! Понимаешь теперь? Поколения два-три они могли изворачиваться. Возможно, создали касту бессмертных властителей, которые веками кочевали из одного тела в другое. Возможно, что-то иное, однако долго это не могло тянуться, так как...

– ...круг посвященных расширялся, и на планете нарастал запас бессмертных сознаний?

– Невыносимая обстановка – друзья, родные, лучшие умы планеты томились в «вишнях»...

– И они двинулись в космос за телами!

– Как испанские колонисты за рабами в Африку.

– Стройная картина, – сказал Вячеслав Борисович. – Вот что еще – как быть с моральными запретами? Вселить своего старшего родственника в инопланетянина... Похуже, чем в крысу или в гиену! По-моему, это непреодолимый запрет...

– А, мораль? – сказал Благоволин. – Мораль всегда отвечает потребностям общества.

– Пожалуй, так... Это могло пройти постепенно. Нашли на ближних планетах себе подобных, потом привыкли...

– Ну вот и договорились. Практические выводы ясны?

– Пока нет, – сказал Портнов.

– Ну боже мой! Даже хамы-работоторговцы пытались беречь свое «черное дерево», поскольку живой раб приносил доход, а мертвый – одни убытки. Если наша гипотеза верна, то «зелененькие» должны прямо трястись над каждым телом. Для них потеря одного раба не исчисляется в пиастрах. Каждый человек, убитый при вторжении...

– Ага! Соответствует одной собственной жизни! – вскрикнул Портнов. – То-то они обходятся без кровопролития – им нужны тела для «вишен»!

– И дальше будут стараться в том же духе. Убивать – не-ет, это для другой психологии... – сказал Митя. – Если у тебя в чемодане томятся твои родители, бабушки и прапрадедушки, ты поневоле будешь любить и лелеять такого парня, как я.

Степка засмеялся. Про себя он стал называть этого великолепного дядьку Митей.

– Не тебя, – сказал Портнов. – Твою брентную оболочку.

– Ну давай так считать, – сказал Митя. – Важно другое. У них четкий метод завоевания: подмена личности. Без убийства! Двинули на них полк, они вселяются в офицеров – и штык в землю... Они должны стремиться захватить сразу как можно больше людей. Поэтому ядерное оружие, способное уничтожить все живое в определенном районе, для них пренеприятный сюрприз. Бах! – и все освоенные тела погибли. Следовательно, они должны рвануться из района Тугарина. Первый вывод: мы должны оцепить Тугарино, чтобы муха не вылетела...

– Так, – сказал Портнов. – Так, так! А у них мало Десантников, не хватает даже для охраны корабля.

– Звездный корабль... – мечтательно проговорил Митя. – Хоть бы одним глазком... Ладно. Я думаю вот что. Оцепить, пригрозить бомбой – только пригрозить. Тогда десанту придется уйти. Но прежде он наведет всю армаду. Скажем, прямо на генштабы ядерных держав. Так... Первое – оцепление, второе – угроза... Запомнил. Если твоя гипотеза справедлива...

– Ты слушай, – сказал Митя. – Психология есть психология. У меня своя, а у них своя. Может быть, все как раз наоборот, и они мечтают посмотреть на мегатонные взрывы, как я – на их корабли. Но покамест я бы пригрозил им этими взрывами и не дал бы воспользоваться телескопом для сигнала наведения.

– Так я с этим и пришел! – вскрикнул Вячеслав Борисович.

– «Ай ду-ду...» – басом пропел Митя. – Одним махом семерых убиваю. Ты учти, им нужна только антенна от нашего телескопа. Если ты собрался портить не антенну, а усилитель,

то время такой акции надо выбрать впритирочку. Чтобы они не успели до восьми часов присоединить свой усилитель.

– Так я с этим и пришел! Надеюсь, ты посоветуешь что-нибудь практическое.

– А, практическое? Дай знать в Москву, в Министерство обороны. Без этого все прочее бессмысленно. Пусть шевелятся, если еще не поздно. Если «зеленые» распозлись, не поможет и эйч-бамб...

После этого странного слова опять наступило молчание. Потом инженер умоляюще проговорил:

– Мить, я один не справлюсь.

– Я тут не игрок... Почему? Ты считаешься обработанным, а я – нет. Больше скажу. – Благоволин безмятежно улыбался. – Из соображений конспирации тебе следовало бы меня убрать, а?

– Не болтай!

– Почему же? Я посвящен в твои планы и, если меня обработают – завербуют, так сказать, – предупрежу. Потому я и знать не хочу, как ты намереваешься поступать. Кстати... радиолюбителя знакомого у тебя нет? Езжай-ка лучше к нему и связывайся с Москвой. А я...

В глазах Вячеслава Борисовича что-то мелькнуло, и он неопределенно повел плечами. А Степка совсем растерялся. Только что он сидел и с блаженным чувством спокойствия смотрел на спину Благоволина – она была как стена, она была могучая и надежная, – и вдруг эти слова: «Тебе следовало бы меня убрать!» Он ужаснулся. Вот почему Вячеслав Борисович заставляет его разыгрывать перед Митей «девочку Машу»... Вот почему молчит об инструкции, написанной в кабинете... Он с самого начала помнил, что Митю могут обработать и он предупредит пришельцев о Степкином специальном задании!

Степка отвернулся от всего этого и стал думать о своем. Эйч-бамб... где-то он слышал... Странное слово какое. Он смотрел в окно и не мог думать. Митя говорил:

– Я постараюсь подольше не попадаться.

– Может, пистолет?

– Тебе он нужней, Слава. Я по живому не выстрелю.

– Сейчас надо принципы в сторону.

– А! Мои принципы: хочу – выполняю, хочу – нет? Эх, Портняжка... Но ты не волнуйся уж так. У меня есть план.

– И прекрасно, – сказал Вячеслав Борисович. – Маша, поехали!

Степка не повернулся, он чувствовал, им еще надо поговорить. И правда, сейчас же Портнов спросил:

– Ну, какой план?

– Не секретный. Я теперь предупрежден, так-сяк проинформирован, немного представляю себе схему их воздействия на мозг и попытаюсь с ними потягаться.

– Что?!

– Мне кажется, – очень мягко пояснил Митя, – что мощный и информированный разум должен потягаться с подсаженным сознанием. Они оставляют нетронутыми некоторые высшие области мозга – я, правда, не специалист, – но центры речи, письма, вся память... Они лишь добавляют свою память.

– И волю, – сказал инженер. – Маша, оторвись от окна, наконец! А ты, Дмитрий, не вовремя ударяешься в науку. Двери сам им откроешь? Чтобы потягаться?!

– Я не тороплюсь стать подопытной собакой, – сказал Благоволин. – Не тороплюсь, но и не боюсь. И мне странно слышать, что ученый отождествляет научный эксперимент с предательством.

Опять один

В последствии Степка вспомнил эти споры и понял, что Портнов тогда еще все решил, но теперь Степка был совсем огорошен. Пусть будет так, пускай Благоволину и незачем ехать к телескопу – «слизняк» и личного номера у него нет, и уже в воротах к нему прицепится охрана. С другой стороны, он как-то не по-товарищески оставлял Портнова одного. Насчет его затеи – пересилить «гипноз» – Степка сомневается, конечно. Сурен Давидович не пересилил... Ковыряя ногтем краску на подоконнике, Степан смотрел на улицу.

Зашуршали колеса. Тихо подкатил и остановился перед общежитием зеленый «ГАЗ-69». Из него вылезли двое и не спеша двинулись к подъезду.

Наверно, у Степана оцетинился затылок – Благоволин мгновенно придвинулся к окну, посмотрел и – уверенным шепотом:

– На правую лестницу, в черный ход и во двор!

И Степка с Портновым очутились в коридоре. И сейчас же щелкнул замок, и за дверью затрещало и заскрежетало.

– Двигает шкаф, – шепнул Вячеслав Борисович, и тихо по прохладному коридору они проскочили к правой лестнице.

На площадке Степан сказал: «Если что – свистну», и побежал вперед. И, не встретив тех двоих, они вскочили в машину. Вячеслав Борисович запустил двигатель и поспешно, рывками переключая скорости, пошел наутек. Свернув на улицу Ленина, он проговорил устало:

– Выйдешь за поворотом на совхоз. Иди к высоковольтной, там прочти инструкцию и действуй.

– Лучше я с вами, – сказал просяще Степан и проверил, не потерялся ли из-за пазухи пистолет.

– Со мною нельзя.

– Вы будете портить этот... усилитель?

– Уж теперь в аппаратную и мышь не проскочит. – Инженер оглянулся, машина вильнула. – А, черт!.. Действительно, надо было его...

– Ну уж нет, – сказал Степка.

– Не знаю. Одну толковую мысль он мне подал... Не знаю... Слушай, Степа. Если встретишь меня – тикай. Не попадайся на глаза еще пуше, чем всем остальным.

– Почему?

– Если меня снова обработают, я же тебя и выдам.

Машина опять вильнула. Степка спросил:

– А почему он «сентиментальный боксер»?

– Он хороший человек, – с тоской сказал Портнов. – Очень хороший. Не то что убить – ударить человека не может. Я торможу. Приехали.

«Эге, такой дядька, да еще боксер, ударить не может – как бы не так!» – подумал Степан, и в расчете на то, что сзади окажется погоня, и некогда будет останавливаться, и вдвоем с инженером они примчатся на телескоп и там «устроят», Степка спросил неторопливо:

– А кто такой эйч-бамб?

– Водородная бомба по-английски, – сказал инженер и нажал на тормоз.

Степка втянул голову в плечи.

– Ну, иди. Спокойно иди, я любой ценой – любой, понимаешь? – продержусь, а ты действуй спокойно. И берегись, вся надежда на тебя.

– А вы туда не езжайте! Зачем едете?

– Для отвода глаз. Насчет тебя Благоволин не знает, а меня станут искать. И все равно отыщут. Прощай.

Он чмокнул Степку в лоб, вытолкнул из машины, крикнул:
– Попробую их обогнать! – и умчался.
На повороте его занесло влево, мотор взревел, и Степан опять остался один.

Сурен Давидович

В это время я, Алешка Соколов, сидел рядом с Суреном Давидовичем на опорной плите зеленой штуки, похожей на перевернутую огромную пробку от графина. Я сидел справа от Сура, а слева поместился толстый заяц. Он восседал с необыкновенно независимым, залихватским таким видом, вытянув задние лапы, так что они торчали далеко вперед и немного вверх. В жизни бы не подумал, что зайцы могут сидеть таким манером! Его вид поразил меня сильнее, чем невидимый забор вокруг «зоны корабля». Сильнее, чем здоровое, легкое дыхание Сура. Наверно, от беготни у меня мозги замутились или что-то в этом роде – я тарасился на зайца, пока не сообразил, отчего он так сидит, вытянув задние ноги по-господски. Зайцы и кролики сидят всегда поджав задние ноги, правда? Потому что бояться. Они все время наготове прыгнуть и удрать, а чтобы прыгнуть сразу, задние ноги им приходится держать согнутыми. Я путано объясняю. Этого и объяснить нельзя. Не будь рядом со мною Сура, я бы испугался этого зайца.

Теперь я не боялся ничего.

Сурен Давидович нашелся! Эти не убили его, он их сам перехитрил и пробрался в их «зону»! Я был готов замурлыкать как сытый кот, я так и знал – никаким пришельцам не справиться с нашим Суреном Давидовичем! Сур молчал, поглядывая то на меня, то на зайца. Иногда он двигал руками, как при разговоре, а заяц перекладывал уши и шевелил носом.

Поймите, я же ничего не знал – уехал с докторшей, проводил ее до Березового и вот вернулся. Ничего не знал, ничего! Я улыбался и мурлыкал. Потом сказал:

– Сурен Давидович, у вас прошла астма? А как вам удалось сюда пробраться?

Заяц почему-то подпрыгнул.

– Скажи, пожалуйста, как ты сюда пробрался, – не приветливо отвечал Сур. – Где взял микрофон? Где твой микрофон, скажи!

– Во рту. Вынуть? – Я понял, что так он называет «слизняк».

– Пожалуйста, не вынимай. Зачем теперь вынимать? Как ты назвал себя селектору?

– Какому селектору? – удивился я. – Что Нелкиным голосом разговаривает? А-а, я сказал – Треугольник одиннадцать. Неправильно?

Он странно, хмуро посмотрел на меня и прикрыл глаза. Я же будто очнулся на секунду и увидел его лицо не таким, каким привык видеть и потому заставлял себя видеть, а таким, каким оно теперь стало: узким, жестким, спаленным. Узким, как топор.

Рот чернел между вваленными щеками, рассекая лицо пополам.

У меня екнуло сердце. «Не может быть, этого не может быть! Нет, слышите вы, этого не может бы-ть!» – завыло у меня внутри. Завыло и заторопилось: «Не может быть. Сур перехитрил этих. Он старый солдат. Он перехитрил их. Астма у него прошла, как на войне, – он говорил, что на фронте не болеют».

И я опомнился, но мне казалось, что я вижу сон. Потому что сидели мы тихо, молча, на круглой шершавой опоре странного сооружения, которое было, наверно, кораблем пришельцев. Было светло, но солнце не показывалось. Деревья, корабль, мы сами не отбрасывали теней. Я опять посмотрел вверх и опять не увидел неба, стенки оврага сошлись над головой, очень высоко, в полутумане, расплывчато. В желтом солнечном свете, сиявшем где-то вовне. Было очень светло, словно вокруг нас замкнулся пузырь, излучающий свет.

Сур приоткрыл глаза:

– Алеша... Послушай наш разговор – Девятиугольник двести восемьдесят один насчет тебя интересно высказывается. Бояться не надо. Я тебя взял на попечение. Слушай.

Во рту щекотно запищал «микрофон» голосом Сурена Давидовича:

«Девятиугольник, что ты говорил о детеныше?»

«Почему бы его не пристукнуть? – ответил Нелкин голос. – У нас хлопот вагон, а ты возишься. Пристукни его, Квадрат сто три!»

Голос Сура сердито отчитал:

«Как смеешь говорить об убийстве?! Я взял детеныша на обучение! Скажи, не пора тебе на патрулирование?»

Селектор выругался. В жизни бы не подумал, что Нелка знает такие слова. Заяц подпрыгнул. «Да вы, высшие разряды, вечно чушь несете, – пищала Нелка. – Потеха с вами! Ты бы делом занимался, Четырехугольник!»

Сур вслух сказал:

– Отвратительный переводчик! Жаргон, ругательства... Нравится тебе Девятиугольник, Алеша? – Он пощекотал зайцу живот.

Заяц недовольно отодвинулся и сел столбиком.

Я обомлел:

– Это он – Девятиугольник?! Они и зайцев гипнотизируют?

– Ты становишься непонятлив, – сухо отвечал Сур. – Не гипнотизируют. В него подсажен Десантник.

– Сурен Давидович, какой Десантник? Он же заяц, посмотрите!

– Десантник. Тот, кто высаживается первым на чужие планеты.

Я зажмурился и, пытаюсь проснуться, пробормотал:

– Высаживается на чужие планеты. Значит, вот они какие – вроде наших зайцев...

Сур вдруг деревянно засмеялся. И я понял, что он тоже, как этот несчастный заяц, воображает себя Десантником. Не перехитрил он пришельцев – они его подмяли.

Я стал раскачиваться и щипать себя за икры, чтобы проснуться. Голос Сура запищал в микрофоне: «Девятиугольник, полюбопытствуй! Пуская воду из глаз, люди выражают огорчение...»

Он знал меня хорошо. От насмешки я взвился, промазал ногой по зайцу: он весело отпрыгнул, а я заорал:

– Сурен! Давидович!!! Они вас загипнотизировали-и! Не поддавайтесь!!!

Он сказал:

– Вытри слезы.

Я вытер. И заорал опять:

– Не поддавайтесь им! Зайцы паршивые!

Тогда он сказал почти прежним голосом:

– Голову выше, гвардия! Ты же мужественный парень. Почему такая истерика? Видишь, я за тебя поручился, а ты свою чепуху про гипноз. Какой же это гипноз?

Я притих.

– Видишь, тебе и самому непонятно. Поговори хоть с Девятиугольником и рассуди: разве можно путем гипноза научить зайца разумно беседовать? Кстати, при разговоре микрофон прижимают языком к нёбу и говорят, не открывая губ. Ты быстро научишься.

– Я не желаю научиться. Я не заяц, я человек! А они – фашисты, они хуже фашистов, потому что притворяются и сидят спрятанные, а людей заставляют делать подлости вместо себя!

Он рассеянно-терпеливо кивал, пока я выкрикивал.

– Ты кончил говорить? Кончил. Объясняю тебе, Алеша: никто не притворяется. Пришельцы не прячутся. И я, и этот заяц – довольно крупный, но обыкновенный заяц, – мы оба

и есть пришельцы, как ты выражаешься. Не закатывай глаза. Постарайся это понять. Мы прилетели на Землю в этом корабле.

– Вранье это, вранье! – крикнул я и задохся. – Вранье-е!..

«А-о-о!» – ответило эхо и стало перекапываться. Крик метался вокруг, гудя на стенках пузыря.

– Этот заяц дрессиро-ованный, – выговорил я. – А вы нездо-оро... – Почему-то я стал заикаться. На букве «о».

– Вдохни три раза глубоко и потряси головой, – сказал Сурен Давидович. – Девятиугольнику пора на патрулирование, а ты отдохни пока.

Как Девятиугольник поскакал на свое патрулирование, я еще видел: он прыгал чуть боком, заноса задние лапы вперед головы, и любопытно блестел выкаченным глазом. Скрылся на подъеме, потом уже вверху подпрыгнул свечкой и сгинул. И у меня тут же начало мутиться в глазах, все исчезло, сойдясь в одну точку. Очнулся я лежащим на сыром овражном песке, а рядом со мною сидел на корточках Сур.

Пришельцы

Я сел. Сурен Давидович аккуратно устраивал в кармане куртки небольшой зеленый ящичек. Уложил, застегнул молнию и спросил:

– Скажи, тебе лучше по самочувствию? (Я кивнул: лучше.) Замечательно! Я ведь хочу тебе добра, а сейчас открываются блестящие возможности для тебя...

Я снова кивнул. Я чувствовал себя неуклюжим и спокойным, как гипсовая статуя, что ставят в парках. Сурен Давидович это заметил и прихлопнул ладонями – верный признак удовольствия.

– Скажи, ты понял насчет пришельцев?

– Не понял.

– Опять не понял! Спроси, я объясню... Не понимает! – Он пожал плечами.

– Конечно, – сказал я. – Если я придумаю, будто я – не я, а вовсе киноартист или Петр Первый, вы тоже не поймете.

Тогда он мне и объяснил сразу все. Ну, вы знаете. Как они выдумали машинки для записи сознания, стали бессмертными, а их тела умирали, и поэтому они двинулись в Космос за телами. Он сказал, что корабль Десантников совсем маленький. В него помещается несколько сотен кристаллических записей размером с крупнокалиберную пулю. В большом же корабле, для переселенцев, их помещается несколько миллионов, и такие корабли спускаются на Землю. Они так уже делали много раз – захватывали чужие планеты. Без выстрела. Они просто подсаживали в каждого «дикаря» сознание одного из своих. Для Земли приготовлено как раз три миллиарда кристаллических записей. По количеству людей.

Не путайте мои приключения со Степкиными. Он уже знал про «вишенки», а я – нет. Сурен Давидович называл их Мыслящими. Он говорил, говорил... Может быть, пришельцу, который сидел в его мозгу, хотелось выговориться. Я слушал и с жуткой ясностью представлял себе зеленые корабли, летящие в черной пустоте. Не такие, как десантный, – огромные. Они расползались по всей Галактике, без экипажей, без запасов воды и пищи. Даже без оружия. Только у Десантников было оружие. А большие корабли шли, набитые кристаллическими записями, «Мыслящими» этими, как мухи, несущие миллионы ячеек. Корабль Десантников отыскивал для них подходящую планету, спускался и выбрасывал «посредник». Понимаете? Некому было даже выйти наружу. Вылетал робот и неподалеку от корабля оставлял замаскированный «посредник». У нас его замаскировали под пеня. И первый, кто случайно подходил к нему, становился первым пришельцем. Как этот несчастный заяц. Он просто подскакал к

«посреднику», и – хлоп! – в него пересадили кристаллическую запись Десантника девятого разряда. Он стал одним из Девятиугольников. А под утро на пень набрел Федя-гитарист.

«Так был я всюду, везде, – слышал я странную, слитную речь. – Тысячелетия м' шли по Космосу. Сотни, сотни, сотни планет!»

Потом он замолчал, а я сидел съжившись, и было очень холодно. Озноб вытекал из меня в жаркий, стоячий воздух оврага. Я знал, что вокруг тепло, и ощущал теплую твердую поверхность, на которой сидел, и теплый, плотный песок под ногами, и жар, излучаемый кораблем. Но я замерзал. У меня в глазах был черный, огромный, ледяной Космос, и в нем уверенно ползущие огни кораблей. С трудом я пошевелил губами:

– Какой у вас вид на самом деле?

Он сказал:

– Тебе будет непонятно. Нет «на самом деле».

Я пожал плечами и спросил:

– Как вас зовут?

– Квадрат сто три. Такие имена у Десантников. «Квадрат» – я Десантник четвертого разряда. «Сто три» – мой номер в разряде. Квадрат сто три.

– А настоящего имени у вас нет?

– Мы служим Пути. Наша работа – готовить плацдарм для больших кораблей. Они приходят – мы уходим. Пятьсот – семьсот тел, которые мы временно занимаем, освобождаются, и их берут переселенцы. Мы уходим дальше, высаживаемся на другой планете, с иными языками, на которых нельзя произнести имени, свойственного предыдущей планете...

– Погодите, – сказал я. – У вас что, нет своего языка? Есть? А как вас звать на вашем языке?

– Квадрат сто три. Объясняю тебе: я – Десантник. Мы не носим настоящих имен.

– Погодите... На своей планете тоже?

Он хрипло рассмеялся.

– Когда наступит ночь, посмотри вверх. Выбери любую звезду и скажи нам: «Это ваше солнце!» Мы ответим: «Может быть».

Я почему-то кивнул, хотя и не понял его слов. Потом все-таки переспросил, почему любая звезда может оказаться их солнцем.

– Мы не знаем, откуда начался Путь, – ответил он.

– Не знаете? Как это может быть?

– Космос огромен. Путь начался, когда звезды еще были иными. Путь велит нам смотреть вперед.

Он говорил равнодушно, будто о гривеннике, потерянном из дырявого кармана, и меня это поразило. Сильнее всего остального. Я получил масштаб для сравнения: планета дешевле гривенника! А я? Наверно, как гусеница под ногами. Захотели – смахнули с дороги, захотели – раздавили. И не захотели, а просто не заметили. Разве мое тело им понадобится под Мыслящего?

И я замолчал. Хоть режьте, буду молчать и все равно удеру. А если вы захватите всю Землю, уйду на край света, и вы до меня не доберетесь.

Так я решил и повернулся спиной к Квадрату сто три. Больше я не звал его Суреном Давидовичем. Баста.

Он заговорил снова – я молчал. Но тут прикатился заяц Девятиугольник, вереща Нелкиным голосом:

– Дрянь, дрянь, собака! Понимает о себе много! Уф! Она околачивается у прохода, Квадрат сто три.

Квадрат быстро пошел наверх. Я выждал минуту. Заяц опять тарасился на меня и подпрыгивал. А когда я встал и попробовал уйти, корабль ослепил меня лучом. Заяц предупредил:

– Сидел бы ты, щенок... Лучемер головешки от тебя не оставит...

Я сел и на всякий случай прижался спиной к кораблю – туда луч не достанет... Я помнил, как Девятиугольник требовал, чтобы меня пристукнули. Все-таки я хотел жить и выбраться отсюда.

А заяц тряс ушами – смеялся.

...Я закрыл глаза и вообразил, будто сплю, лежа в своей кровати у открытого окошка. Сейчас зазвонит будильник, я проснусь, мать накормит меня завтраком. Пойду в школу, высматривая по дороге Степана, а на ступеньках универмага будет совершенно пусто, и сегодняшней день ничем не будет отличаться от всех весенних дней.

– Собака ушла, – сказал заяц. – Квадрат сто три возвращается. – Он подпрыгнул несколько раз, все выше и выше, и начал расписывать, какая страшная была собака.

В породах он, понятно, ничего не смыслил. По описанию получалось – дог. Огромная, с короткой шерстью, светло-серая. Морда квадратная, тупая. Хвост длинный, юный, как змея. – Тут зайца передернуло. Я злобно спросил:

– Боишься собак, гаденыш?

Вернулся Квадрат сто три, прогнал зайца на патрулирование. А мне приказал:

– Алеша, твой микрофон! – и подставил руку.

Я выплюнул в нее «слизняк». Квадрат сто три небрежно опустил его в карман и пошел следом за зайцем. Я не мог удрать, для того у меня и отобрали эту штуку – она служила пропуском в «зону». Остался в проклятом пузыре и мог молчать, сколько мне было угодно.

Допрос

Я отполз от корабля, забился в моховые кочки под откос и там лежал. Слышал, как вернулся Квадрат сто три. Потом ухо, прижатое к земле, уловило чужие шаги. Они дробно простучали по откосу и стихли поблизости. А мое тело отказывалось двигаться. Веки не хотели подниматься... Решайте свои дела без меня, я полежу, здесь мягко. На свете два миллиарда больших людей. Что вы привязались, почему я обязан заботиться и где это сказано, что один мальчишка на огромной Земле обязан и должен? У вас армии, ракеты. Кидайте сюда ракеты, и пусть все кончится, я согласен. Не хочу подниматься.

...Еще шаги. Что-то тяжело ударились о землю. Потом голоса. Опять Киселев – Угол третий! Он говорил где-то поблизости...

Пусть. Меня это не касается. Слышать не хочу их разговоров. Я один, мне еще четырнадцати нет, сопротивлялся я. И вдруг над лесопарком затрещал самолетный мотор. Звук приблизился, стал очень сильным, загрохотал и умчался.

– Зашевелились...

Это сказал плотный человек, седой, важный. В Тугарине я его никогда не видел. Он восседал на плите корабля, подтянув на коленях дорогие серые брюки, а пиджак держал на руке. Рядом примостился Федя-гитарист. Вертя головой – шнур бластера, видимо, резал ему шею, – он проговорил:

– Еще девяносто пять минут. Придется драться, Линия восемнадцать?

Седой неторопливо ответил:

– Потребуется служба – будем принимать меры. Решим вопрос. – Он выпятил губы и искося взглянул на Киселева. – Самочувствие-то как, Угол первый?

Я подумал, что Линия – большой начальник у Десантников и путает их имена. Наш завуч, например, старается каждого ученика звать по имени и всегда путает. Но Киселев не поправил седого. Пожал плечами и стал отряхивать песок с брюк и рубашки.

– Да-а, начудил Угол третий, начудил... – сказал седой.

– Отличный, проверенный Десантник, – вступился Киселев. – Это обстановка. Абсолютно!

– Мне адвокатов не надо, Угол первый, – сказал седой. – Утечка информации, – он загнул толстый палец, – утрата оружия да еще история с Портновым. Мало? О-хо-хо... За меньшее Десантников посылают в распылитель!

Я даже заморгал. Утечка информации – понятно, Анна Егоровна доехала до района. Вот почему самолеты летают, у-ру-ру! Оружие – тоже понятно. Это бластер, который мы увезли из подвала и который сейчас лежит у самого входа в «зону». Какая-то «история с Портновым» меня не интересовала. А вот почему Киселев сменил номер?..

Я еще посмотрел, как он счищает песок с левого бока, и чуть не захихикал. «Вот что ударилось о землю, пока я лежал. Киселев падал, когда в нем сменяли Мыслящего... А-а, зашевелились-то вы, гады! Угла третьего сменили. Начудил, говорите?»

– Ты не паникуй, – говорил седой. – Пока мы на высоте, на высоте... И Угол третий не одни ошибки допускал. Скажем, для меня подобрал подходящее тело – вполне осведомленный экземпляр.

– Угол третий – проверенный Десантник, – снова сказал Киселев. – Внимание, блюда!

Они вытянули шеи, прислушиваясь. Кивнули друг другу и отбежали на несколько шагов, едва не наступив на меня. Я упрямо лежал.

Корабль громко зажужжал и приподнялся над песком. Я увидел круглый след плиты на песке. Он быстро светлел – песок впитывал воду, выжатую весом корабля на поверхность. Та-ших-х!.. Округлое, плоское, радужное тело вырвалось из-под плиты и унеслось в зенит. Наверху громко хлопнуло, мелькнул клочок голубого неба, и пелена, одевающая зону, опять закрылась. А корабль уже стоял на месте. Через две-три секунды все повторилось: корабль приподнимается, вылетает радужная штука, корабль опускается. Когда унеслась с шипением третья штука, Киселев закрыл глаза и прислушался. Доложил:

– Расчетчик еще думает, Линия восемнадцать.

Тот важно ответил:

– Добро! Пока с этим побеседуем, м-да... – и показал на меня.

– Мальчик, встань! – приказал Киселев.

– Ну, чего? – проворчал я и уселся, поджав ноги.

Они вдвоем сидели на опоре корабля, а я – на кочке, в пяти-шести шагах от них.

Седой заговорил наставительно:

– Расчетчик обдумал твою судьбу. Решил тебя помиловать, м-да... Будешь находиться здесь. Чуть не то – сожжем. Понял?

Я промолчал. Седой грузно наклонился ко мне:

– Вот что, Алексей. Где ты бросил оружие? Ты не притворяйся, дельце нехитрое! Будешь запираяться – посадим к тебе Десантника. И он за тебя все и скажет, так уж лучше ты сам, оправдывай оказанное доверие.

– А я не просился к вам в доверенные...

Почему-то они остались очень довольны моим ответом. Загоготали. Киселев сказал одобрительно насчет моей психики. И опять мелькнуло слово «комонс», которое я уже слышал, пока лежал во мху. Гитарист сказал, что вроде не комонс, а кто-то другой. Я тоже попытался улыбнуться. Лихо сплюнул на песок, будто очень польщен их разговором, только не хочу показывать вида. А на деле я внезапно понял, что они могли посадить в меня «копию» насовсем. Раньше я об этом не думал. Не верил. Ну, вы знаете, как не веришь, что помрешь, хотя все люди умирают...

Я опять сплюнул и ровно в ту секунду, когда было нужно, сказал:

– Оружие ваше я потерял здесь, неподалеку.

Мне ответил седой:

– М-да. Девятиугольник видел, как ты с ним бегал. Где точно?

– Не заметил. – Я пожал плечами. – Набегался я здесь, знаете. Должно быть, рядом, у прохода.

– И это знаем...

– Зачем же спрашиваете, если знаете?

Они еще раз переглянулись. Поверили, что я говорю правду.

Я в самом деле только малость соврал. Я помнил куст, под которым остался лежать бластер в коричневом чехле для чертежей. У самого прохода. Как его не нашли, если уж взялись искать?

Самолет прогудел еще раз. Теперь он прошел несколько в стороне. Эти двое ухом не повели, будто так и надо. Седой пробормотал: «Расчетчик» – и прикрыл глаза. Потом Киселев приподнял его и отвел от корабля. При этом на руке седого блеснули часы. Я разглядел стрелки – без двадцати семь. Прошло минут пятнадцать с начала нашего разговора. То есть оставалось восемьдесят минут до момента, в который им «придется драться».

Я сделал бессмысленное лицо и спросил:

– Федор, а Федор... Что будет в восемь часов?

– Цыть! Схлопочешь ты у меня конфетку...

Седой открыл глаза и скомандовал:

– Еще один вертолет садится у совхоза! А ну, видеосвязь!

Полковник Ганин

Федор подбежал к кораблю, взмахнул рукой, и в зеленой тусклой поверхности, в метре от земли, открылся круглый люк. Бесшумно, как большой круглый глаз с круглым коричневым зрачком, только зрачка этого сначала не было, а потом он выплыл из темноты и, покачиваясь, остановился посреди «глаза». Я попятился, споткнулся о кочку, а Десантники, наоборот, придвинулись к кораблю и наклонились, всматриваясь.

В зрачке что-то вертелось, мигало... Вертолетный винт, вот оно что! В люке корабля покачивался телевизионный экран странного красно-коричневого цвета. На нем очень отчетливо виднелся маленький вертолетик – красная звезда казалась черной, – и между головами Десантников я видел на экране, как открылась дверь кабины, на землю прыгнул человек. Телевизор мигнул и показал этого человека крупным планом. Он был в военной фуражке.

– Полковник Ганин, из округа. Не иначе, парламентар, – определил седой. – Дай звук.

От корабля послышалось шипение. В этот момент полковник схватился за сердце и пробормотал:

– Здесь красивая местность.

Парламентар? Военный посол, похоже?... Только он уже не был парламентаром – в него подсадили Мыслящего. Он улыбнулся и спросил:

– Ты Линия шесть?

Другой голос сказал:

– Я Линия шесть. Докладывай, с чем послан. Два разряда нас слушают.

Глядя на кого-то невидимого за рамкой экрана, полковник сказал:

– Послан с ультиматумом. С момента приземления вертолета нам дается шестьдесят минут на эвакуацию. Гарантируется безопасность летательных средств в пределах запрошенного нами взлетного коридора.

– После срока ультиматума?

– Ядерная атака.

– Это не блеф?

– Не могу знать. Скорее всего, нет. Настроение подавленное. Вокруг района разворачивается авиадесантная дивизия. Придана часть радиационной защиты.

– Откуда они имеют информацию?

– Получили радиограмму с телескопа.

Седой сказал Киселеву:

– Вот тебе твой Портнов...

Голос за экраном спрашивал:

– О времени сигнала они имеют информацию?

Не могу знать. С содержанием радиограммы не ознакомлен.

– Твое личное мнение о плане действий?

– Потребовать девяносто минут на эвакуацию. Навести корабли на Москву, Вашингтон, Нью-Йорк, Лондон, Париж, на все ядерные штабы. Десантный корабль увести демонстративно, сообщив им координаты взлетного коридора. Оставить резидентов, конечно. Всё.

– Мы успеем дать наводку за пятьдесят пять минут.

– Они согласятся на девяносто. Совет? Брякающий, неживой голос прокричал:

– Трем разрядам совет! К Расчетчику!

Я видел, как у седого и гитариста опустились плечи, экран потемнел, у меня сильно, больно колотилось сердце и онемело лицо. Потом седой сказал:

– Так, правильное решение! – И экран опять осветился.

Сорвалось

Я придвинулся ближе. Федор и седой стояли немного поодаль друг от друга, пригнувшись, чтобы лучше видеть экран. На меня они совсем не обращали внимания. Словно меня здесь и не было. И я осмелел и встал между ними – чуть наклонившись, как и они. Настоящего смысла их небрежности я не понимал, конечно. Почему они вели при мне секретные разговоры? Честно говоря, я думал – убьют, чтобы не разболтал их секреты. И не боялся. Слишком устал. Тусклая зеленая поверхность корабля, коричневые фигурки на экране дрожали и расплывались, но я смотрел. Экран показывал часть выгона, на котором опустился вертолет. Винты машины лениво вращались, из открытой дверцы кто-то выглядывал, а вокруг полковника Ганина собралась целая толпа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.